

Колдовские миры

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

Полудемон
Месть принцессы

Колдовские миры

Галина Гончарова

Полудемон. Месть принцессы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Полудемон. Месть принцессы / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2016 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-699-88805-4

Ее предали. Бросили в темницу, обвинили в колдовстве, пытали... Другая бы сломалась, но принцесса Мишель решила родить сына, который вырастет и отомстит за нее. И ей это удалось. Зачатый от демона, принц крови воспитывается в глуши. Настанет время – и он предъявит свои права на трон. На возмездие. На власть. Но... увы. Ни одно из этих прав не дает простого человеческого счастья. Его учили убивать, но не учили любить. Или все-таки любовь окажется сильнее? Кто знает?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88805-4

© Гончарова Г. Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Галина Гончарова

Полудемон. Месть принцессы

© Гончарова Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Александру. С любовью

Я – полудемон.

Ну и чего вы все побледнели? Можно подумать, я собираюсь кинуться и вырвать вам горло. Не собираюсь. Во-первых, это грязно, а во-вторых – есть уйма других способов убить человека быстрее и эффективнее.

И чего вы осеняете себя знаками Светлого Святого? Я же не вампир, не дух тьмы и даже не чистокровный демон. Вообще-то, я даже в церковь могу ходить спокойно. И не хожу – опять-таки по нескольким причинам. Первая и самая главная – мне лень. Сами знаете, богослужение начинается на рассвете. Даже чуть раньше. И вылезать из теплой кровати, чтобы куда-то тащиться, а там подвывать вместе с остальными прихожанами? Ага, разбежался. Вторая – тоже важная. Люди так уверены, что я боюсь всей этой святой символики, что не стоит их разочаровывать. Такое разочарование должно быть самым главным и последним в их жизни. Ага, в том самом смысле. Потом уже разочарований не будет. Только похороны.

Да не бледнейте вы так. Я же теоретически. И третье. Как бы нашего святого холопа удар не хватил от моего появления под «Светлыми сводами храма». Ибо «нечисть богомерзкая во тьме вековойной пребывать должна...» Это тоже все из его речей. Ну да ладно. На всякого дурака злиться – только хвост обтреплешь.

Какой хвост?

Собственный. Длинный, красивый, чешуйчатый. Со скорпионьим жалом на конце. Один укол – и вы уже рассказываете Светлому Святому о том, какой я плохой. А если сцедить яд, то одну каплю можно развести в бочке воды. Все равно будет ядовито. Я проверял.

Во мне вообще много от кошки. А вы видели, как кошка злится? Бьет хвостом... Вот и я бью. Иногда – мимо. Иногда – в цель. А почему бы и нет? Я же полудемон? Да! Нечисть? Дважды да. Убийца на службе короны? Да. И – увы мне. Полудемоны вообще не созданы быть королями. А я вот попался. Я так хорошо служил короне, что она оказалась у меня на голове. И не хочет с ней расставаться. Как это получилось?

Обыкновенно.

Говорят, нет хуже дурака, чем дурак с инициативой.

Подтверждаю. Но есть один-единственный вид и похуже. Это – коронованный дурак с фантазией и инициативой. Вот это – страшное сочетание. Хуже вулкана. Это-то сочетание и было моим дядюшкой.

Как так получилось, что я – полудемон? Глупые вопросы задавать изволите, господа. Полудемон – это когда один из родителей человек, а второй демон.

И так ясно? А что тогда? А, как человек и демон встретились? Ладно. Я расскажу. По порядку и с самого начала.

Дядюшка мой – чтоб ему на том свете досталась сковородка погорячее и без масла! – был счастливо женат на красивой девушке. Вообще они были замечательной парой. Он – высокий, светловолосый, в золоте, настоящий рыцарь, как сопливые девчонки их представляют. Ну и девчонок у него было – прорва. Выбирал он себе пару аж лет до тридцати. И еще бы погулял,

да батюшка, а мой, соответственно, дед, жениться заставил. Надо ж было и наследников производить. Законных, понимаете? Не все ж бастардов дворовым девкам да фрейлинам плодить.

Так что половина наших придворных мне родня по дяде. Это у них называлось «заслуги перед короной», чем они страшно гордились, а особо наглые даже намекали мне на что-то. Я так и не понял: если мой дядюшка трахал их матушек, а их мужья на то глаза закрывали, то корона им обязана, получается? Так, что ли? Нет уж, извините, господа. Проституция – личное дело каждого. И не надо мне говорить, что он – король, не дай бог откажешь, разгневается, на всю семью кары обрушит... Которые гордые – те отказывали, не подсчитывая денег. Был случай... Но об этом – по порядку.

Я с такими «намекателями» разобрался просто. Сказал, что это – личные заслуги их родителей и не перед короной, а перед моим дядюшкой. А если они чего-то хотят для себя – могут обрести такие заслуги передо мной. Лично. Спальня открыта, а демоны, как всем известно, бисексуальны. Полудемоны – тоже.

Почему-то никто не захотел.

Вот с кинжалами – являлись. С мечами, с заклинаниями, один раз даже экзорциста приволокли... Я уборщицам жалованье после этого повысил. Вот уж у кого есть заслуги перед короной – так это у них. Поди-ка смотай эту лапшу с люстры... Почему лапшу? А полудемоны, если их разозлить, могут и на ленточки порезать. Когтями.

А меня тогда сильно разозлили.

Но лучше рассказать с самого начала.

* * *

Женился мой дядюшка на красавице герцогине. Ничего не скажешь, хороша была, стервочка. Я бы и сам не отказался. Только без свадьбы.

Волосы черные, глаза синие, глубокие, лицо тонкое, словно его кистью рисовали, фигурка опять же... Хотя под платьем все и не видно, но грудь там оч-чень аппетитная была. И все остальное, надо полагать, – не хуже. Ну, может, ноги слегка кривые. Но под длинными юбками да до свадьбы – разве заметишь? Короче, втрескаться мой дядюшка изволили по самое это самое. А красotka еще и ни в какую. Глазки строит, попкой крутит, а чуть дядюшка за корсаж – тут же в отказ. Не дам до свадьбы – и все тут. И чуть что – крики, слезы... Ах, ваше величество, пожалейте мою честную целомудренную юность, снизойдите к моему положению, не отбирайте у бедной девушки единственное, что она может принести своему мужу в приданое...

Что бедной – так это точно. Бедна была, как церковная крыса. Одно платье умудрялась по восемь раз перешивать. Это уж потом, когда дед умер, она прославилась как королева-одно-платье. Тем, что второй раз платье никогда уже не надевала. Служанкам отдавала. Или там придворным дамам. А дядюшка ей потакал во всем. Что поделать. Любоф-ф-ф-ф... Всегда было интересно, чем это люди в таких случаях думают? Но очень подозреваю, что не мозгами.

В общем, одно у дамочки было сокровище – между ног. Она его и продала по высшей ставке. За корону. И не надо мне говорить про любовь... Тех, кто его любил, дядя изволили поиметь и выбросить. Потому что когда любишь – о себе не думаешь. Они и не подумали, отдавая золотому рыцарю и честь, и душу. И уж конечно, не торговались. Они были просто счастливы, что их наследное высочество снизошло до целой ночи с ними. Или даже двух ночей. Это – любовь без расчета. А вот то, что она сделала, – это та же проституция. Только обычные шлюхи – они дешевле обходятся. Эта оказалась – дорогостоящей.

Сделал мой дядюшка, король Рудольф, ей предложение, и стала она – королева Абигейль. Парочка вышла – хоть на башню вешай, чтоб глядели и восхищались. По воскресеньям, на торжественные шествия народ сбегался полюбоваться. Едут они: дядюшка – высокий, золото-волосый, на черном скакуне, корону в волосах и не разглядишь сразу-то. И рядом тетка на

белой лошадке. Хрупкая, изящная, бриллиантами обвешана – хоть вместо новогодней елки ставь. Никогда эти камешки не любил. Может, потому, что она их любила.

Оба медяки в толпу бросают. Народ их цветами закидывает и рыдает от умиления. Как же ж... красота...

Хоть один человек нашелся бы да кирпич бросил! Все же это на их деньги, на их кровь делалось. И медяки назавтра с них же сдирали с процентами. Только разве толпе докажешь?

Да никогда.

Выйдя замуж за короля, наша Абигейль тут же начала рожать ему детей. Всего – четыре штуки. Двоих парней, двоих девчонок. Попеременно. Парень – девка, парень – девка. Так что все получили, что хотели. И все были довольны. Дедуля получил благородное продолжение династии Раденоров – это и моя фамилия, если кто не понял, а королевство наше – Раденор. Абигейль – корону и деньги, а дядюшка – красотку-жену и деток. Хотя по чужим постелям он шляться так и не перестал. Ну да горбатого могила исправит. Или, как сам дядюшка говаривал, на сыночка глядя, «удаль молодцу не в укор».

Так-то.

Я родился от его сестренки. Как так получилось?

Я же говорил, что дядюшка мой – дурак был. Вот его отец и пытался натаскать. В посольства отправлял, на переговоры. Опытных дипломатов, конечно, тоже посылал. Куда ж без них. Но и дядюшку старался спровадить. Пусть сынок хоть чему научится. А то с его рыцарскими принципами все королевство разворуют. Родная жена и начнет. Я сильно подозреваю, что дед таким образом еще и экономил. Потому что сколько в месяц на содержание дядюшкиной свиты уходило – непредставимо. Я в год на весь двор меньше трачу. И то – из-за дворца. Старый, зараза, ремонтировать надо постоянно. А то бы и еще меньше.

Соседи у нас...

С юга и востока Раденор, слава богам, ни с кем не граничит. У нас там море. Потому наша беднота с голоду и не передохла при моем дядюшке. У нас море теплое, богатое. Закинешь веревку – выловишь рыбу. С севера – Риолон и Теварр. Два королевства. С запада – горная цепь. Огрызочная такая. За ней третье королевство – Мирол. С Риолоном и Теварром мы постоянно цапаемся. Если бы они объединились – нам хана. Но между собой они дерутся еще чаще, чем с нами. А Мирол...

Горы у нас плохонькие. Невысокие. Зато в них – замечательные рудники. Железо, серебро...

И эти полезные металлы нужны и нам и Миролу. Поэтому мы друг у друга постоянно их оттяпывали, посылали дипломатов, торговались, ругались...

И в тот раз дядюшка поехал с посольством. С собой взял Абигейль и двоих старшеньких.

А еще с ними поехала моя мама. Младшая сестра наследника, значит. Дедушкин второй, поздний и безмерно любимый на зависть дядюшке ребенок. Разница у моей матери с дядей была лет восемнадцать. Никто и не ожидал рождения принцессы. Жена короля умерла, рожая неожиданную дочку. Но дед и тут оказался на высоте. Дочь он не отослал, не возненавидел, а наоборот, сказал, что ребенок – последний подарок любимой жены. И он все сделает, чтобы этот подарок сберечь. И берег, любил и опекал, как только мог.

До той самой злосчастной поездки.

Зачем дед отправил туда мою мать?

Девчонке было уже семнадцать. Пора замуж выдавать. Только в родном королевстве это сделать было сложно. Принцесса же! Надо приискать не меньше, чем принца. Или хотя бы герцога. И тоже не всякого.

Так уж выходит, что королевские отпрыски приучены продавать себя за землю, за подпись на договоре, за что-то полезное для королевства... Да что говорить, дед бы в жизни дяде не разрешил на Абигейль жениться. Тайком обвенчались. Дед того духовника, который их вен-

чал, сослал аж на остров Торвал – из населения две дюжины рыболовов с семьями, шесть ворон и четыре собаки. Нехилая карьера после столичного, мало того, личного королевского храма? А вместо него пришел Приближенный Феликс. Замечательный человек был.

Приближенный?

А ничего удивительного. У нас же служители Светлого Святого так и называются. Те, кто на самой низкой ступени, только-только в церковь пришли и клятвы дали – рабы Светлого Святого. Чуть выше – холопы Светлого Святого. Следующая ступень – слуги или служители Светлого Святого. За ними – Приближенные Светлого Святого. И на самой вершине церкви – Доверенный Светлого Святого. А обычные люди? Это просто его творения. Даже не рабы его. А скорее игрушки. Захочет – ломает, захочет – выбросит. Кроме натурально некромантов. Некроманты по всем королевствам объявляются слугами Темного Искушающего – и поэтому следует их душу нечистую через пламя очищающее на небеса отправить, дабы Светлый Святой разобрался там – и новую игрушку вылепил. Получше. Добрые, короче.

Но Приближенный Феликс был не таков. Дед его выбрал случайно из дюжины присланных Доверенным Светлого Святого Приближенных. И не пожалел. В первую очередь Феликс был человеком. И Раденорцем. Так вот, с большой буквы. А рабом, холопом и прочей нечистью – только потом.

Ах да! Нечисть здесь только я. Что ж, я ничем не хуже многих людей.

Ну, продолжим рассказ.

Дед отправил принцессу Мишель не просто так. Он хотел, чтобы дочка пригляделась к герцогу Филиппу. Правителю окраинного герцогства Миеллен. Герцог, говорили, не стар, лет сорока, умный и не злой. Но – вдовец. Жена на охоте упала и расшиблась. А больше он не женился. Любил ее слишком.

А возраст подходит. О наследниках думать надо. Принцесса – хорошая партия. Любому лестно будет. А у деда еще и другая мысль была – потом Миеллен присоединить потихоньку к Раденору. Пусть королевство растет.

Почему переговоры не повел?

Хотел принцессе дать возможность поглядеть на возможного мужа. Я же говорю, поздний, любимый ребенок.

И не только.

Еще моя мать обладала сильными способностями к магии огня. Есть и такое наследство в королевской семье. Проявляется редко, но очень ярко. Принцесса Мишель с малолетства взглядом свечки на люстре зажигала, один раз придворной даме прическу подпалила, а приставать к ней по темным коридорам и вообще ни один придворный нахал не решался. Потому как костер на причинном месте удовольствия никому не доставит.

Абигейль принцессу не любила.

Мишель была ее полной противоположностью. Абигейль – брюнетка, такого, слегка хищного типа. На мой вкус – с немного крысиным личиком, но я-то пристрастен. Дядюшке, вон, сошла!

А Мишель – невысокое хрупкое создание. Волосы – белые, с чуть голубоватым отливом. Глаза большие, голубые. Росточка невысокого, личико как у дорогой фарфоровой куклы из Риолон, фигурка точеная... Абигейль рядом с ней просто не смотрелась. Я как-то их портреты рядом повесил – и понял, за что тетка мою мать возненавидела. За то, что та была красивее, умнее и добрее. За рождение в королевской семье. За дар магии.

Было за что.

Словом, мать была у Абигейль как бельмо на глазу.

И был тут еще один важный довод. Дети Мишель тоже имели все права на корону. Дед часто шутил, мол, если что с Рудольфом не так будет, мне дочка внука родит. Короля.

Напророчил.

* * *

Все в посольстве было как обычно.

Только во дворце, где они остановились на первую же ночевку – уже на территории герцогства, – вспыхнул пожар. Дядюшка на тот момент был очень занят. Абигейль. А когда благородный рыцарь с благородной дамой да продолжением рода заниматься изволят, тут на них хоть крыша падай – не заметят.

Они и не заметили. А потом стало поздно. Сами еще кое-как в окно выпрыгнули, а вот детей и часть свиты спасти не успели – те задохнулись во сне. При пожаре оно так часто бывает. Сперва дым, а уж потом – огонь.

Большая часть свиты полегла в огне. А меньшая, все эти Абигейлевы дядюшки да тетушки, зятя, сватья и прочие племянники брата шестияродной кухни по троюродной тете – все выскочили.

И принцесса Мишель выскочила.

Одной из первых.

И пыталась изо всех силенок приказать огню, чтобы тот потух, утихомирился, исчез...

Не вышло.

Зато Абигейль ее обвинила в поджоге. Хватило ж фантазии. Или не фантазии, а умысла?

Дескать, Мишель замуж выйдет – и прощай надежды на корону. Потому-то принцесса и решила брата с семьей извести. Детей, вон, старшеньких, наследничков, извела, а с братом не получилось... Хватайте ее, мерзавку, люди добрые! Держите!! Вяжите!!!

Мишель тогда была просто не в себе. Вся выложилась на пожаре. А маг, если он все силы растратил, беспомощнее хомячка становится. Даже убежать не может. Бери его голыми руками – и души.

Так с Мишель и поступили. Связали по рукам и ногам и посадили в каменный мешок.

Проявили, можно сказать, инициативу.

* * *

Для матери это было шоком. Сами понимаете, принцесса, воспитывалась в любви и нежности, на нее листочек-то не падал.

А тут!

Схватили.

Обвинили!

Заковали в цепи!

Кинули в темницу!

И еще огромный расход сил. Потраченных, между прочим, на неблагодарного братца. Если бы Мишель огонь не успокаивала, фиг бы Рудольф со своей тварью выскочить смогли.

И даже это сыграло против принцессы.

На огне оказались следы ее магии. Ее ауры.

Окажись рядом хороший маг, смог бы осмотреть все пожарище – и понял, что к чему.

Только вот мага не было.

Маги вообще народ своеобразный. Талант это редкий и встречается примерно у одного человека на десять тысяч. А ведь этого одного надо найти. Выучить. Сделать так, чтобы он не погиб в процессе обучения. Чай, магия – не гончарное ремесло. И талант человеку дается только к одному виду магии.

Какому?

Чародеи сами себе профессию тоже не выбирают: либо есть талант – они его еще даром зовут, либо его нет. И если нет – хоть ты обнадувай щеки. Не поможет. Всего есть семь разновидностей магов. Четыре – соответственно по стихиям. Воздух, вода, земля и огонь. И три нематериальные стихии. Жизнь, смерть, разум. Из этой когорты больше всего не любят магов смерти. Или – некромантов.

Но не о них сейчас речь. А о том, что если дан тебе огненный дар, то над водой ты хоть обпыхтись – не поможет. А если можешь заклинать воздух, то разум тебе уже окажется не под силу.

А в случае с пожаром нужен был маг по огню. Сильный. Грамотный. И облеченный доверием.

Конечно, никого настолько сильного в королевской свите не нашлось. И рядом, на расстоянии трех дней пути – тоже. Потом и следы ауры стерлись. Доказать ничего было просто нельзя.

А тот единственный, который был, специализировался по жизни. Вылечить, залечить, профилактику болезней устроить – это пожалуйста.

А в огне он разбирался, как свинья в политике.

Суд вел дядюшка. Дознание тоже. Ну и Абигейль, как же без нее.

И дядюшка десять дней продержал свою родную сестру в темнице. И допытывался, как она могла пытаться убить его с семьей.

Сперва – просто так. Потом угрожал пытками, казнью... Кто знает, до чего бы дошел принц Рудольф.

Руки Мишель переломать, во всяком случае, успели. Хорошо хоть не изнасиловали. Но в переломанных костях тоже радости мало.

Спас принцессу старый придворный слуга, Том Хорн.

Он принцессу Мишель с детства знал, любил ее, на руках носить готов был. И про темницу узнал сразу же. А узнав, не поверил. Ни в вину, ни в поджог...

Схватил коня и рванулся к деду.

Посольство ехало двадцать дней. Том одолел это расстояние за восемь. Ехал без дорог, по одним звездам. Дорогами было бы на пять дней больше, а он махнул напрямик, через пустоши. Загнал двух лошадей, чуть сам не помер, ел и спал, не слезая с седла, но успел.

И рассказал обо всем королю.

Гнев деда был страшен.

В герцогство тут же отправилась голубиная почта и рванулись гонцы. А следом за ними – королевская гвардия.

Кроме сплошных матерных слов, в письмах содержался приказ доставить принцессу во дворец «СО ВСЕМ УВАЖЕНИЕМ!!!», а если какое быдло ее обвинять вздумает, то дед обвинителю... потом... и жезл монарший в... по самое наверх засунет.

Дядюшка ведь даже сообщить срочной почтой не потрудился. Ни о пожаре, ни о принцессе.

А может, и потрудился, только гонцу волки по дороге попались. Голодные. И особенно любящие пергамент. Нехватка витаминов, понимаете? А дядюшкиным голубям – соколы.

Я еще не говорил, что пара кузенов Абигейль были страстными охотниками?

Но доказательств не было.

И тут судьба бросила на стол первую карту.

Даму пик. Некромантку и темную ведьму.

Поймали ее, когда некромантка порчу наводила. И хотели было уж на костер, чтобы, значит, темная душа, да через очищение светлым пламенем, аккуратно к престолу Светлого Святого, да решили дядюшку обрадовать. Позвать в гости. На зрелище. И на пир, естественно.

Только не успели. Вечером, по приезде дядюшке не до того было, а ночью пожар случился. Про некромантку все и забыли.

Кроме принцессы.

Держали-то девушек вместе. В соседних камерах.

И времени для разговоров у них было – прорва.

Кто сказал, что некроманты – страшные и злобные твари?

Я говорил про семь разновидностей магии. Из этой когорты больше всего не любят магов смерти. Или – некромантов. Почему? Ну-у, это из-за Светлого Святого и его холопов. Надо же им кого-то было объявить врагами? Надо. Необходимо, чтобы был враг, чтобы было кем прихожан пугать, чтобы было стра-а-ашно и ме-е-ерзко. А что у нас противнее оживших мертвецов? Или упырей?

Лично мне вся разряженная придворная толпа всегда была намного омерзительнее стада кадавров. Но так то – мне. А крестьянину покажи оживший трупешник – штаны век не отстирает.

Вот с некромантами и боролись. Сжигали их. Топили. Серебром разрубали. Осиной протыкали. Ни их, ни их семьи просто не жалели.

И девчонку ту не пожалели бы. Звали ее Марта Фейль. Было ей, как и принцессе, семнадцать лет. Только она была намного взрослее Мишель. Жизнь заставляет, знаете ли.

Была Марта откровенно некрасива. Черноволоса, черноглаза, худа как щепка и бледна как смерть. Нос длинный, рот широкий, а когда улыбается, кажется, что там зубов в два раза больше нормы. Самым красивым в ее лице были брови. Черные, густые, изгибающиеся ровными дугами. Только кто на них станет обращать внимание при всем остальном наборе?

Людей Марта не любила. И вполне взаимно.

Люди ее обзывали уродиной и страшилкой. Парни обходили стороной, сестры смеялись, соседи в глаза издевательски жалели, а за спиной шептались – «во гадость-то растет...» Родители – и те особо дочку не любили.

А в условиях всеобщей нелюбви дар некроманта проявляется намного быстрее.

Первую порчу Марта наслала в десять лет. На соседскую дочку. Разозлилась на насмешки и пожелала той прыщами покрыться с ног до головы. Хорошо хоть не громко и не вслух. Но злости вложила столько, что с лихвой хватило.

Девчонка и по сей день прыщи вылечить не может.

Почему Марта так долго не попадалась? Аж семь лет?

Она очень редко своей силой пользовалась. И боялась. У них в церкви холоп Светлого Святого так красочно про некромантов и их сожжение рассказывал, что Марта себя всеми силами сдерживала.

Так, немножко шкодила. У кого тесто седмицу подняться не может, у кого дочка годик лысой ходит, так потом же все равно обрастает...

А тут получилось вовсе уж неладно.

Младшую сестренку замуж выдали. В деревнях это рано делается, сестренке аккурат пятнадцать сравнялось.

Марта за нее порадовалась. И зла не держала. Да только вот на свадьбе все перепились как свиньи.

Марта и вышла из-за стола. И пошла одна посидеть. Присела у хлева, а тут, откуда ни возьмись, трое пьяных друзей жениха.

Поперву подкалывали: «перестарок», «пугало», «дурнушка»... Потом оскорблять начали: «увидишь на соседней подушке такое, не проснешься с испугу...», «тебя и за сотню золотых приданого не возьмут...», ну и венец всего – «такую замуж возьмешь, так и не встанет...».

Марта уйти хотела – не дали. Одной ей справиться с тремя здоровыми парнями было не под силу. А кричать – музыка играет. Все перепились. Да и позор-то какой!

Девичья глупость ее подвела и стыдливость.

Надо бы орать во всю глотку, а она молчала.

Поняла, что происходит, только когда ее потащили в сарай. Еще и бахвалились: «замуж тебя все равно не возьмут, так хоть настоящих мужчин попробуешь...», «сейчас узнаешь, что такое настоящее удовольствие...», «потом еще благодарить будешь...».

В таких ситуациях все насильники совершенно неоригинальны. Но попробуй это пойми, когда двое за руки держат и лапают при этом, а третий штаны стянул и юбку задирает.

Дар некроманта и при опасности хорошо проявляется. Да и любой магический дар. Так маги про себя и узнают, когда в жизненно опасных ситуациях стихия слушаться начинает. А заодно и все остальные про это узнают. Поди пропусти извержение вулкана, смерч высотой в пару сотен метров или, того лучше, пожар на всей обозримой площади.

Марта тоже сдержаться не смогла. И прокляла их со страху по полной программе. Сразу и навсегда.

Хорошим таким проклятием, качественным. Самые насильственные органы – ага, и те самые, и руки тоже! – отвалились и сгнили на глазах, зубы с волосами выпали, кожа язвами пошла, глаза вытекли, а тело иссохло. И все это меньше чем за пять минут, каково? Испугалась девчонка до потери сознания.

Сил у нее после этого не осталось даже с места уйти. Куда там идти – руку поднять не смогла. Там ее утром и нашли. Обессиленную.

Она и слова вымолвить в свою защиту не успела. Холоп местный так развизжался, что в столице небось слышно было. Еще бы, всегда проповедовал про некромантов, а тут такая возможность поквитаться.

Конечно, Марту схватили, связали и бросили в темницу. Даже не пытали. Зачем? И так все ясно.

Если бы Марта могла, она бы всех поубивала. И тюремщиков, и местного холопа...

Не могла. Дар у нее был слабенький. И она много выплеснула, когда тех троих проклинала. Потом – это как чаша. Пока не наполнится, ничего не сделаешь. Из пустого стакана не выпьешь.

Ей надо было восстанавливаться не меньше луны. За это время десять раз сжечь успеют.

А на нее еще и ошейник, блокирующий магию, надели. И на Мишель – тоже. На первом же допросе.

Что такое темница? И как они смогли разговаривать?

У нас же страна гуманная. И в Миеллене тоже жили сплошные гуманисты. Поэтому темница представляла собой подземелье. Представьте себе – большой широкий коридор. С двух сторон выдолблены ниши – примерно куб 2×2×2 метра. В углу – подстилка. Цепи. И ведро для всяких нужд. Ширма не предусмотрена. А на выходе, чтобы не делать стены и двери, – просто камеру забрали решетками. Через решетки Мишель и Марта прекрасно могли видеть друг друга и переговариваться.

Там они и подружились.

Мишель знала, что невиновна. И Марта знала, что на совести подруги мертвецов нет. Такие вещи некроманты просто видят. У убийц проявляется такое... пятно в ауре. Как ожог. А Мишель была чистенькая, и Марта ее просто пожалела.

Вы сейчас удивитесь – как так? Некромантка? Пожалела?

Ну так что же. Сперва Марта чуть позлорадствовала. Вот, мол, жизнь-то какая – и принцессам тоже несладко. А потом, когда принцессе на первом же допросе переломали пальцы на левой руке и Мишель что было сил старалась не плакать, – пожалела. Ее-то не пытали. Просто хотели сжечь. Добренькие.

Девушки разговорились.

Марта рассказала историю своей жизни, Мишель – своей. И они дружно начали жаловаться на несправедливость мира. Плакали – в два ручья. Но толку-то с тех слез...

И тут судьба подбросила еще одну карту. Не козырную. Но увесистую. Полагаю, это был валет крестей. Местный управляющий. Рик Арнес. Герцог его сразу после пожара бросил в темницу. И тоже принялся допрашивать. Пока. Потом, разумеется, к Светлому Святому.

Рик едва успел спасти свою семью. А сам вот не удрал. И благородство тут было ни при чем. Не успел просто. И теперь ждал дознания и казни. Он-то и объяснил двум девчонкам, что и к чему. И про некромантов, которых *надо* ненавидеть. И про ненаследную принцессу и жену ее брата. Хоть он и был мерзавцем и вором, но в поджоге тоже был невиновен. Спасибо тому, кто сделал камеры открытыми в общий коридор. Спасибо тюремщикам, благодаря которым Рик и Марта были соседями, а Мишель – напротив них. Им просто стало принцессу жалко.

А вот Мишель жалости лишилась раз и навсегда.

Тюрьма, пытки, допросы – оно очень помогает избавиться от излишка любви к людям. Если раньше Мишель была светлым огоньком, теперь это было холодное черное пламя. И в нем сгорел бы любой, кто сунется. Только Марта и Рик спокойно грелись у этого огня. Им-то что? Они и сами были не лучше. Их уже обожгло. И жалеть эта троица никого не собиралась.

Голубь прилетел на двенадцатый день. Гонцы добрались на шестнадцатый.

Дядюшка после прочтения письма ходил весь бледно-зеленый. Принцессу извлекли из тюрьмы со всем почтением, отмыли, перевязали и стали ждать в позе «чего изволите?».

Мишель и изволила.

Марту извлекли и приставили к принцессе в личные горничные. Рика – в лакеи. Так это называлось. А на деле – оба стали ее верными псами. И глотку за нее кому угодно порвали бы. Да и Мишель за них готова была в огонь и в воду. И еще одного человека Рик посоветовал принцессе. Побочного сына предыдущего герцога Миеллен. Анри Миллена. Валета, пожалуй, червей. Сынок, видите ли, после смерти папеньки был выгнан со двора, лишен всего достоинства, титула, земли... Всего, что только мог придумать его законный братец. Понятное дело, парня это не обрадовало. И герцогский отпрыск пошел разбойничать на дорогах. Получалось у него это очень хорошо. Герцог только зубами скрипеть успевал, пока они до челюсти не сточились.

Попался герой-разбойник, как водится, на любви. Такой же нежной и трепетной, как и у моего дядюшки. Лазил, лазил к любимой в окошко, там Рик его и вычислил. Чуть надавил на «нежную возвышенную девушку», та и сдала возлюбленного за награду. Кажется, в три тысячи золотых.

Получила она из этой награды не больше сотни. Задатком. Потом Рик загремел в тюрьму. А про поимку незаконного сыночка доложить еще не успел. Хотел сюрприз сделать господину.

Мишель послушала его без разговоров. Приказала доставить к себе Анри Миллена – и сделала ему предложение. Титул. Земля. И пост ее личного телохранителя.

Анри никогда дураком не был. И что его ждет – понимал. Согласился ли он?

Глупый вопрос.

Тут капитан стражи – ставленник ее брата – немного поорал. Не понравилось ему, видите ли, что его – в отставку, а на его место кого-то другого. Вот и попытался поскандальить. Почему попытался? Так полноценного скандала не вышло. Марта ему помогла замолчать. Скромным проклятием часика на три. В ее исполнении это звучало как: «Чтоб у тебя, гада, язык отсох». Он и отсох. Но поскольку Марта сильным некромантом никогда не была – часа на три.

По прошествии этих трех часов капитан опять-таки не уговорился. Что поделать, принц Рудольф не любил людей умнее себя. Вот капитан принцессиной охраны и побежал жаловаться на некромантку. Мол, прокляла, гадина, три часа только мычал...

Принц Рудольф тут же к сестре. Так, мол, и так, вы из тюрьмы пожелали преступницу забрать, а она как есть некромантка и ведьма. Моего человека прокляла. Верните-ка вы, сестрица, ее на костер, пока не поздно. Душу погубите... – и прочая чушь в этом роде.

Только вот принцессу этим уже было не запугать. Посмотрела она ласково на братца, на капитана, который за его спиной терся, оскалилась и спрашивает:

– Не такая ли Марта некромантка, как я – поджигательница? Нет уж, в этом герцогстве слишком любят невинных людей мучить. Никого я им не отдам. А вы, братец, лучше подумайте, что отцу скажете. Ему ведь тоже будет интересно, почему со мной так поступили.

Принц Рудольф аж позеленел весь. А принцесса времени терять не стала. Перевела добрый взгляд на капитана и говорит:

– Капитан, нехорошо клеветать на бедную девушку. Язык у вас, наверное, от злости не работал. Но вам повезло. Говорят, у клеветников они вообще отваливаются. И нос гниет, как у жертвы дурной болезни. Правда, Марта?

Марта уставилась в упор на принца и улыбается во все свои сорок зубов.

– Истинная правда, – говорит, – ваше высочество. Светлый Святой мерзавца метит. Нос гниет, язык отсыхает, глаза вытекают...

И чуть силу свою отпустила. По комнате словно холодом плеснуло. Так что бежали оттуда и принц, и его капитан. Быстро и качественно.

На следующий день посольство в обратный путь тронулось. Мишель очень настаивала, дескать, на родной земле ей поправляться будет легче. О том, что Анри лучше убрать с территории герцогства, у Рика семья уже в Раденоре, а Марте вообще все равно куда ехать – были бы друзья рядом, не говорилось. Но все четверо это понимали.

Такой вот вышел расклад. Две дамы, два валета с одной стороны. И валет бубен и дама пик – с другой.

По дороге домой Абигейль пыталась подобраться к Мишель. Один раз. На постоялом дворе. С лихвой хватило. Когда Марта попросила чуть подождать, сейчас, только госпоже косы заплетут – и сразу же ее примут...

Абигейль и присела на диванчик в комнате. А из-под диванчика –дохлая крыса. Вонючая. Наполовину разложившаяся. И давай по ее юбкам карабкаться. И к лицу норовит, к лицу...

Визгу было...

Абигейль из комнаты вылетела вперед своего визга. А только крысу по дороге потеряла. Мишель хохотала до слез, но когда к ней явился братец, сделала серьезное лицо. Братец ей опять – некромантка, ведьма, я вашу служанку сам на костер определю! На святое покусились! На жену! Любимую!! Мать наследников!!!

И вот тут Мишель разозлилась. По-настоящему. Но виду не показала. И ответила в том духе – что, крысу покажете? Нету? Тогда извините. Клевета-с! А вообще, крысы, да еще дохлые, – верный признак нечистой совести у человека. Вас, братец, они еще не мучают? Сестру пытать? Да еще по подозрению в попытке братоубийства!

Принц Рудольф еще пытался храбриться, но под двойным испепеляющим взглядом Мишель и Марты получалось у него из рук вон плохо. С тем и ушел.

А крысы их потом всю дорогу посещали. Дохлые. Либо разлагающиеся, либо скелетиками. Что по пути попадалось. Марта специально старалась. Только надолго поднять крысу не могла. Но Рудольфу и того хватило. К столице Раденора он подъехал заметно исхудавший и осунувшийся. Да и Абигейль за эти двадцать дней заметно подурнела. Жаль, что не поумнела.

Но – чего нет, того и не добавишь. Это я про мозги. Подлости и хитрости-то у нее хватало.

Мой дед, а Рудольфу и Мишель – отец, встретил детей по-разному.

Мишель он со всех сторон обласкал, дал Рику и Марте титулы, ему – барона, ей – баронессу, подтвердил все, что Мишель обещала Анри, наорал на дворцовых лекарей, чтобы те принцессу лечили, – и занялся сыном.

Дядюшку дед отmaterил по-всякому. Один сын – и тот дурак. Кольчуга начищенная, а вместо башки пустая кастрюля. Это ж надо – так сестру подставить! Люди-то стараются свою грязь замазать, все делают, чтобы их семья чистенькой оставалась, а этот – сам в дерьмо лезет и других за собой тянет. Принцессу пытать! Да есть ли там даже спинной-то мозг?! Это ж надо все королевство так опозорить?! И на кой Мишель нужно было их поджигать, если она все равно бы в другое королевство замуж вышла. И права ее были бы вилами по воде писаны. А кто ее теперь замуж возьмет?! Короче, козел ты, сынок. Козел.

И Абигейль досталось. Какая она-де мамаша, если у нее дети угорели, а она и не знала, где их разместили?! Небось платья свои в первую очередь пристроила. А мальцов одних бросила, даже без пригляда! На кой ей куча слуг, если они все делом не заняты?! Небось и сама сопли утрет, не королева! Дома-то навоз на лопате носила и белый хлеб лакомством считала, по праздникам ела! Ну и многое другое о коронованных шляхах. Кстати – чистую правду.

Тут дядюшку и закусило. Звания почетного оленя Раденора он уже не стерпел. Пообещал деду, что ноги его при дворе до смерти отца не будет. Так вот. И дверью хлопнул. Уехал в ссылку на границу.

После этого Рудольф год на люди не показывался, а про рыцарские турниры и по давню забыл. Пообщипал с него отец перьев.

Мишель же окружили вниманием и заботой. Но больше она никому не верила. Одному отцу. Да и то... В глаза ей кланялись, а за спиной шептались. Абигейль хоть и в деревне, а даром времени не теряла. И все ее братья, сватья, кузены, тетуски и дядюшки – тоже. Вонючая собачья свора. Шавки помоечные.

Одним словом, с принцессой Мишель повторилась старая история. То ли он, то ли у него, но что-то там точно было...

Это уничтожило последние надежды на приличный брак. Дед бесился, гонял сплетников, ругался, языки вырывал, но ничего не помогало.

Мишель все понимала. Рик на этих делах собаку съел, не подавился. И дворцовые интриги раскусывал как орехи. Марта терлась среди слуг, на Анри липли все служанки – и все сведения они сообщали принцессе. Я так понимаю, уже тогда Мишель начала презирать и ненавидеть всю эту придворную навозную кучу. Тогда же и план свой придумала. Но окончательно она решилась после разговора с отцом.

Он тогда пришел усталый и какой-то осунувшийся. Сел в кресло напротив Мишель, улыбнулся грустно так, словно тяжесть давила.

– Друзей можешь не отсылать. Они тебе преданы, я знаю.

Мишель кивнула. Так Марта с Анри и узнали об этом разговоре. Он рядом с принцессой был неотлучно, да и Марта тоже с ней проводила много времени. Они подружились за это время. Мишель учила подругу читать и писать, нашла ей книги по некромантии, настаивала, чтобы Марта развивала своей дар.

Дворцовый Служитель Светлого Святого на Марту шипел, но тронуть не решался. Мишель его на части разорвала бы. После тюрьмы у нее веры в Светлого Святого как-то резко прибавилось. За счет прибавившейся злости.

А Марте – все нипочем. Она была счастлива и спокойна рядом с подругой.

Король тогда долго сидел, молчал, а потом выдохнул, как в воду бросился:

– Мишель, мне не больше года жить осталось. Надо решить, что потом с тобой будет.

Мишель не вздрогнула. Просто спросила:

– Почему не больше года?

– Мне уже семьдесят. Медик сказал, организм изношен. Магия меня еще немного держит. А потом – ты представляешь, что с тобой сделают Рудольф и его шляха?

– В лучшем случае отдадут в монастырь. В худшем – убьют или выдадут замуж за такую же мразь, как и Абигейль.

Мишель не собиралась обманывать себя иллюзиями. И король это понял.

– Ты что-то решила?

– Да.

Мишель не колебалась:

– Во-первых, отдай мне Торрин. Все графство.

Торрин – горный замок, построенный еще два века назад, стоял в ужасно неудобном месте. У моря. В горах. Рядом были только две рыбацкие деревушки. До третьей пришлось бы ехать сутки. Если бы лошадь ноги не переломала на втором шаге. Пешком вообще надо было идти три дня.

Расти там ничего не росло. При удаче можно было вырастить сорняк. Но о пшенице и речи не шло. Жили морем и контрабандой. В случае удачи в год владелец получал сотню золотых налога. При неудаче – не насчитывалось и пятидесяти. Это со всего-то графства! Хотя и графство там было – тысяча человек, из них – двести в этих двух деревеньках. А остальные поселения даже звания деревни не заслуживали.

Замок этот отошел короне, когда предыдущий владелец, озверев от вечной нехватки денег, ввязался в мятеж. Неудачный. Что ж, у Светлого Святого деньги ему нужны уже не были.

– Зачем тебе этот кошмар?

– Чтобы никто не мешался, – отрезала Мишель. – Сделай документы на меня, с правом наследования Рику. Он – заслужил. Второе. Ты признаешь моего сына равноправным наследником. Вместе с сыновьями моего брата. То есть с оставшимися сыном и дочуркой.

Вот тут королю чуть не стало плохо.

– А ты... э-э-э...

– Я никого пока не жду. Но до конца года у меня родится мальчик. Хотя я полагаю, что родов не переживу. У меня тоже здоровье попортилось после тюрьмы.

Король помолчал.

– Кто будет отцом мальчика? Анри?

– Нет. И тебе лучше об этом не знать. Но могу только сказать, что мальчик будет умным и сильным. И – жестоким. Что еще нужно, чтобы править?

– Развивать этот ум, – огрызнулся король.

– Именно. Поэтому мне нужна грамота о полном освобождении Торрина от налогов на двадцать лет. И – я хочу забрать туда все нужные мне книги из королевской библиотеки. Все равно Рудольф их не читает, а Абигейль... Фи!

Король еще помолчал.

– Войско, слуги, деньги?

– Деньги. Слуги не нужны. Найму местных. Войско тоже без надобности. Все равно ноги переломают раньше, чем туда доберутся. Завещание и наследную запись на моего сына я хочу в трех экземплярах. Один у меня, один – в архивах короны, один – в главном архиве Светлого Святого. И чтобы они выдали расписку, что этот экземпляр хранится у них и о чем в нем говорится. Со всеми печатями и подписями. Будет лежать у меня в надежном месте. А потом – у моего сына. Если что, мои друзья все сохранят до его совершеннолетия.

– Мишель, ты уверена в том, что говоришь?

– Да. Отец, ты сам знаешь, Рудольф будет плохим королем. Он неглупый. И в то же время... слабый. Внушаемый. Легко управляемый. Абигейль – вот кто будет сидеть на твоём троне. Вместе со всей своей сучьей родней.

Его величество только кулаки сжал.

– Знаю. Но еще одного сына у меня нет. А твой ребенок... когда еще он вырастет, да и дадут ли ему это сделать?

– Не знаю. Но из Торрина он никуда до совершеннолетия не поедет. А уж обезопасить его там – это мое личное дело.

– А справишься?

– Не я. Я только заложу фундамент. Основная тяжесть ляжет на Рика, Анри и Марту. Они справятся. И с воспитанием, и с обучением...

Дед кивнул.

– Мишель, ты точно не хочешь рассказать, что задумала?

– Нет, отец. – Принцесса опустилась на колени около его кресла, взяла холодные ладони отца в свои, изуродованные пыткой, с изломанными пальцами, и стала растирать.

– Я тебя люблю, папа. Очень люблю. И Раденор – тоже. Я никогда не сделаю ничего во вред. Ты помни об этом, ладно?

– Мишель, Мишель...

Несколько минут они сидели молча. О чем думал король? Проклинал судьбу? Неведомых врагов, из-за которых его дочь стала жестокой и холодной? Сына, выросшего на редкость рыцарственным – и бездарным? Невестку с ее родней, которая заполонила Раденор, как саранча – поля? Кто знает...

А Мишель была спокойна и сосредоточена. Она приняла решение. И бояться не собиралась. Никого и ничего.

Ей просто хотелось отомстить. До дрожи в коленях. До стиснутых зубов. До безумия.

Полагаю, что она уже была слегка безумна. И ненавидела всех, из-за кого пострадала. В первую очередь – брата и его жену.

Потом – всех придворных.

И она решила мстить.

* * *

Я думаю, вы догадались, какого мальчика хотела родить принцесса.

Правильно. Полудемона.

Меня.

Мишель потребовалось две луны, чтобы собраться и доехать до Торрина. Все это время Марта, Рик, Анри – каждый пытался ее отговорить. Но было поздно. Мишель горела своей идеей, словно огнем. Страшным. Черным. Безумным. Она выбрала свой путь. И сворачивать не собиралась. На все вопросы она просто качала головой. И только один раз собрала всех друзей и высказалась:

– Вы считаете меня безумной? Напрасно. Я думала, вы сами все поймете. Рик – точно понимает, хотя и не все. А ведь ситуация простая. Кто я сейчас в людских глазах? Оправданная, то есть отмазанная отцом преступница. Братоубийца. Поджигательница. Ведьма. Абигейль с семейкой постарались. Рудольф верит ей, как посланцу Светлого Святого. А что ожидает меня после смерти отца? Правильно. Либо монастырь, либо замужество, либо смерть. На удачное замужество рассчитывать не стоит. Абигейль позаботится. Уже позаботилась. Дурная слава, знаете ли... И что остается? Монастырь? Лучше самой умереть. Но так, чтобы они меня век помнили. Что самое важное для Рудольфа и Абигейль? Ну?

– Корона, – спокойно ответил Рик. Он все понял.

– Правильно. Корона. И все то приятное, что она дает. Не работа. Нет. Балы. Рыцарские турниры. Выезды. Раззолоченные платья. Смазливые придворные шлюхи и альфонсики. Этого им хватит и в глаза, и за глаза. А мне – нет. Но мне отец корону оставить в обход Рудольфа не сможет. Марта, милая, я бы попросила тебя его проклясть. Но я знаю, что не поможет. Снимут.

– Не снимут.

– Не обижайся, родная. Но я ведь знаю пределы твоих сил. Ты не самый сильный некромант мира. Тебе нужно многое. И проклятие получится отсроченным. Рудольф до меня раньше доберется. А Абигейль...

– При удаче я смогу их обоих проклясть.

– Я не возражаю. Но что-нибудь такое... не смертельное, но очень неприятное и естественное. Сможешь? Повышенную болезненность или...

– Бесплодие, – спокойно припечатал Анри. – Все, что нужно для дела, я достану. Волосы, там, или одежду...

– Волосы. Или платок с соплями. Пару капель крови. Все что угодно. Хоть обрезок ногтя. Я – справлюсь.

Марта отлично помнила, как Рудольф хотел отправить ее на костер. А некроманты – они злопамятные.

– Замечательно. Но этого мало. – Мишель потрянула гривой волос. Белых? Или полуседых? – Марта, я хочу родить полудемона.

– Что?! – Марта.

– Как?! – Анри.

– Почему?! – Рик. Единственный, кто понимал.

– Мне нужен изначально умный ребенок. Жестокий. Хищный. Думаете, я не понимаю, что будет со страной? Рудольф дурак. При нем разворуют все. А его дети вырастут копией отца. Через три-четыре поколения таких королей Раденор разорвут на части. Поэтому я хочу, чтобы королем стал мой сын. Я много читала о полудемонах. Жестокость у них в крови. И властность – тоже. В остальном же... Его воспитание ляжет на ваши плечи. Рик даст ему знания по управлению. Анри – научит владеть оружием. Марта – тебе придется тяжелее всего, сестренка.

– Мишель, я...

– Не надо. Ты стала мне не просто подругой. Сестрой. Но сейчас не время плакать. Наверняка мой сын родится некромантом. Тебе придется обучать его. И не только. Я хочу, чтобы ты заменила ему меня. Чтобы он не был безумным зверем. Ему нужна мать. Меня не будет. Останешься – ты. У тебя будут и свои дети, но ты не забывай Алекса, ладно? Он должен знать, что такое любовь.

* * *

Алекс – это я. Александр Леонард Раденор.

Мишель прожила еще два часа после моего рождения. Успела дать мне имя и приложить к груди. И – умерла. В столицу тут же полетел голубь с письмом. А обратно прискакал гонец с известиями. С официальным завещанием, в котором я признавался наследником. Дарованием Анри графского титула с условием, что он будет воспитателем осиротевшего принца до пятнадцати лет. Признанием баронского титула Рика и его права на землю Торрина, при условии, что я могу жить у него, сколько сам пожелаю. И свитком из канцелярии главного храма Светлого Святого, где подтверждалось мое наследное право. Сколько им дед за это отвалил – страшно представить.

Мишель похоронили на утесе над морем.

Я часто прихожу на ее могилу.

Сажу и вспоминаю.

Полудемоны помнят все. Вообще все, с самого рождения. И я тоже помню.

Растрепанные белые волосы, слипшиеся от пота. Ласковые, но слишком слабые руки, прижимающие меня к груди. Вкус молока, смешанный с привкусом крови. Вскрик Марты:

– Госпожа, осторожно, у него зубки...

И тихий голос матери, охрипшей от криков...

– Ничего, ничего... кушай, малыш. Это единственное, что я могу тебе дать. А зубки – зубки тебе понадобятся. И когти. И оружие. Набирайся сил, родной мой. И расти сильным

и умным. А я буду приглядывать за тобой. Если и не с небес, то из темноты. Обязательно пригляжу. А ты помни, что я тебя все равно люблю.

Помню запах крови и смерти. И помню любящие голубые глаза.

Ни в одних других глазах потом я не видел такого выражения.

Любви. Нежности. Радости. Обреченности. И – бешеного, безумного, безудержного триумфа.

Принцесса Мишель умирала победительницей.

* * *

Его величество король Александр Второй скончался через три луны после смерти дочери. И на престол уселся Рудольф. Его величество. Первое по порядковому номеру. И тут же закатил грандиозный бал. И рыцарский турнир по случаю своей коронации.

Соседи под это дело оттяпали у нас кусок земли. А королю прислали лист с извинениями «за самоуправство наших вассалов», шикарные доспехи и боевого жеребца. Но столбы обратно не передвинули. Дядюшка утерся. Точнее, он даже не заметил, что в него плюнули. Соседи ведь и его любимой Абигейли прислали подарок. Шикарное кольцо с сапфирами. И белую кобылку с золотыми лентами в гриве. Та им на радостях все простила.

А соседи в это время задрали дорожные и таможенные пошлины так, что купцы взвыли. Но кого волнует все это было? Уж точно не блестящего рыцарственного короля Рудольфа.

Через две луны после смерти отца Его величество прислал письмо. Приказывал, чтобы меня привезли в столицу.

«Дабы дать бедному сиротинчику, ребенку нашей возлюбленной умершей сестренки Мишель, воспитание, подобающее наследному принцу».

Рик с Анри, не будь дураки, тут же состряпали писульку, которая гласила, что принц – при последнем издыхании. Дорогу всяко не перенесет. Кашляет кровью, задыхается, простужается каждые два дня – и вообще, нельзя ли прислать мага-целителя, чтобы поправить ребенку здоровье? А то верные слуги Его Величества опасаются за жизнь мальчика.

Целитель так и не приехал. Письма с требованием перевезти меня в столицу приходили раза два в год, но Рик и Анри и тут извернулись. Написали, что у ребенка-де чрезвычайно опасная болезнь – ломкие кости.

Есть такие дети. Стоит им неловко упасть – и тут же готов перелом. Даже если их слишком сильно обнять – и то можно убить. Ребра треснут.

После этого Его Величество уже не настаивал на моем приезде. Но о моем здоровье осведомлялся регулярно. Рик и Анри отписывались. По-моему, за пару лет они умудрились переломать мне все кости. То по очереди, то вместе... Это уж не говоря о разных воспалениях и обострениях. А простуда и горячка ни на луну не оставляли меня своим вниманием.

Единственное, о чем не писали мои воспитатели, – это воспаления и сотрясения мозга. Наоборот, отмечали, что мальчик – то есть я! – необычайно умен. И хорошо учится. А чем ему еще, бедняжке, заниматься, пока болеешь? Просим, просим прислать мага-целителя! А то ведь не убереем вашу кровинушку!

Но мага-целителя все равно не прислали.

Из столицы меж тем доходили тревожные вести.

Рудольф, дорвавшись до власти, погряз в пирах и охотах. Абигейль не отставала от него, блистая на балах. Обходилось это в бешеные суммы. Народ голодал. А ее величество вытаскивала в столицу всю свою нищую родню. И каждого пыталась пропихнуть если не в графья, то в бароны. Папаша ее себе надел втрое увеличил, не считая того, что крал из казны даже не горстью, нет. Мешками выносил.

Вся эта свора занимала придворные должности. Рвала. Гадила. Воровала так, что только стены казны пищали. Дохода от них не было никакого. Прижать их не было также никакой возможности. Абигейль постаралась. Любого, кто тронул бы хоть пальцем кого-то из ее родных, ждала либо казнь, либо ссылка. Люди бежали с их земель сотнями – и добрый король решил прикрепить их к земле. Теперь хозяин был полностью властен в жизни и смерти крестьянина. Хоть на заборе повесь для развлечения – никто и не чихнет. И пожаловаться некому.

А если рискнешь – тебя же на костер, как еретика и мерзавца. Почему? А такая вот логическая цепочка. Недоволен властью – недоволен королем – недоволен человеком, которого поставил над тобой Светлый Святой, соответственно, и волей Светлого Святого ты тоже недоволен. Мерзкий еретик! А может, и вообще колдун?! На костер его, братья!!!

И горели.

А Королевский суд?

Абигейль пристроила верховным судьей своего старшего братика. И вот уж воистину – братик. Взятки брать он умел отменно. А вот судить, не зная законов...

Разбойников развелось столько, что если бы за каждого мне дали медяк – я бы спокойно смог содержать на эту сумму все королевство. Лет пять.

И осуждать людей язык не поворачивался.

Торговля задыхалась под горами налогов и пошлин. Соседи присылали ко двору Раденора бардов и менестрелей, которые воспевали доблести Рудольфа и прелести Абигейль, дарили подарки, а под шумок отщипывали у нас кусочки территории. Например, Ведненский лес. И Шахтные горы. Узнав о горах, Его Величество выразился так: «Кому нужна эта куча камней? Пусть забирают!»

А то, что там находятся богатейшие медные шахты – это пустяки! Медь? Неблагородный металл! Вот если бы серебро!

И то, что там живут люди, которые чихать хотели на Светлого Святого. Дед их не трогал. Сам такой был. А теперь до них доберутся рабы и холопы Светлого – и половину пережгут, а половину так достанут, что люди уйдут в разбойники.

Это как? Хорошо?

Попутно Абигейль и Рудольф пытались сделать еще одного наследника, а лучше двух-трех, про запас. Получалось плохо, и я даже знал, почему. Потому что Анри таки достал Марте требуемое. Локон волос Абигейль и платок с каплями крови и соплями Рудольфа. Каким чудом ему это удалось? Не знаю. Но подозреваю, что через горничных. Женщины Анри всегда любили и готовы были ради его прекрасных голубых глаз и в огонь и в воду. Даже Марта. Хотя никаких отношений, кроме дружеских, у них никогда не было. Марта его любила как младшего брата, Рика – как заботливого отца, его жену Мирабель – как матушку, а его детей и меня – как своих. Родных и любимых. Хотя меня – чуть больше.

Каждый раз, когда приходило письмо с очередными вопросами о моем здоровье и просьбой доставить меня таки в столицу, моя нянюшка начинала шипеть, как бешеная кошка. И – проклиная. Качественно. Адресно. На ненависти к Рудольфу и любви ко мне и моей матери.

Она перебирала пальцами два мешочка с частицами своих врагов и яростно шипела:

«На моего ребенка покушаетесь, твари?! Чтоб вам больше своих не родить!!!»

Хорошее проклятие. При таком сколько ни старайся – детей не получится. Либо не зачнешь, либо выкинешь, либо вообще если родишь, то такого уroda, что сам подушкой накроешь.

У Абигейль просто детей не получалось. Не беременела – и хоть ты тресни.

Что приятно, порча была такая, которую мог обнаружить только некромант. А некромантов убивали. Холопы и слуги Светлого Святого разошлись вовсю. Сжигали, распинали, топили в святой воде... И не только некроманта, но и его семью. И слыша об этом, Марта опять проклинала подлого Рудольфа и мерзавку Абигейль. И опять желала им одного и того же. Бесплодия.

И это – сбывалось. От некроманта – через мертвую частицу живого – к живому. Ни один маг жизни или маг разума засечь это не мог. А оно работало. Словно иголка. Длинная острая иголка, которая пройдет сквозь кольца кольчуги и ударит в горло. Можно ли такой убить? Убить чем хочешь можно, было б желание. Защищать – дядюшку защищали, со всех сторон амулетами обвесили, но игла пройдет любую кольчугу. На то и игла...

Нет, если б некроманта пригласили – он бы сразу сказал, что чужая злоба их подтачивает. Но некроманты – от Темного Искушающего, им при самом блестящем дворе – не место. А остальные...

Наложить проклятие – всегда легче, чем снять.

У Рудольфа и Абигейль остались двое детей. Принц Андрэ и принцесса Руфина. Принц был старше меня на четыре года, принцесса – на два. Оба пошли в родителей. Если быть точным – внешностью в папочку, умом в мамочку. Такие же светловолосые, с такими же чертами лица и такой же крысиной хитростью.

Им при рождении дали земли. И щедрый король пообещал, что его дети ни в чем не будут нуждаться. Ну что тут скажешь? Они и не нуждались. Ели с золотых тарелок, ходили в расшитых бриллиантами нарядах, получали все по первому требованию. И росли мерзкими скотами, которые твердо уверены, что солнце светит миру из их задницы.

Король щедро одаривал своих подхалимов и прихлебал. Разумеется, за счет народа. Последний холоп Светлого мог позволить себе раззолоченную рясу и подрясник из шелка. А люди голодали.

Зато короля благословляли во всех храмах. И собирали десятину! Это вначале. Потом начали собирать уже пятину. И драли за самые простые услуги, вроде имянаречения, – второе!

Обо мне не вспоминали. И это радовало.

Про Торрин и трех его хозяев – Рика, Анри, Марту – все просто забыли. Дохода от нас получить не удавалось. А мы процветали. Но – по порядку.

Когда умерла принцесса, трое друзей остались с полудемоненком на руках. Меня надо было кормить воспитывать, учить... И – как?

Если бы не тетя Мира, то есть жена Рика, Мирабель, которая приехала к нему сразу же, как только смогла, – я бы, наверное, умер. Мне требовалось много заботы. Меня надо было кормить. А кормилицу приглашать никто не решился. Полудемоны...

Начать с моей внешности. В своем первом и истинном облике я далеко не красавец. Это по человеческим меркам, себе-то я нравлюсь. У меня кожа пепельно-серого оттенка. Очень прочная и с легким чешуйчатым рисунком. Я не рептилия. Я вполне человек. Просто моя кожа может выдержать даже случайный удар ножом. Да и отец у меня был чешуйчатый. Я худощавый и стройный. Достаточно высокий для человека – во мне где-то метр восемьдесят росту. У меня высокий лоб, длинный крючковатый нос, тонкие губы и впалые щеки. В сочетании с высокими, красивого рисунка скулами это выглядит впечатляюще. Марта уверяет, что у меня красивое, хищное и властное лицо. Так мог бы выглядеть очеловечившийся сокол. Я ей верю. Самая моя яркая черта – это глаза. Они у меня большие, яркие, вытянутые к вискам, с длинными густыми ресницами. И ярко-голубые. Без белка. Одна радужная оболочка и зрачок. Днем – черный, а ночью – ярко-красный. Ночью я вижу ничуть не хуже, чем днем. Еще у меня густые и длинные волосы. Белые, как у мамы. Я специально их отращиваю. Во-первых, мне нравится. Во-вторых, в волосах хорошо прятать удавку или стилет. Анри научил. Брови у меня тоже белые. Красиво изогнутые к вискам. Словом, я себе нравлюсь. Вот такой, какой есть. С длинным хвостом, на конце которого прячется жало. С двойным набором острейших зубов и слегка раздвоенным на конце языком.

С острейшими когтями, которые я по желанию могу втягивать или убирать в специальные кожаные складки на пальцах. И на руках, и на ногах.

Единственное, о чем я слегка жалею, – это об отсутствии крыльев. У отца они были. И есть. Только мне не передались. Ну да ладно. Летучий принц – это перебор.

Представьте, что у вас на руках оказался такой ребенок, которого нельзя никому показать. И что вы будете делать?

Решение нашла тетя Мира. Меня выкормили козьим молоком. Мама предусмотрительно привезла сюда целое стадо коз и овец. Овцы, увы, не смогли приспособиться. А коз местные крестьяне стали разводить. По горам они скачут хорошо. В кормежке неприхотливы. Им годятся на корм даже измельченные рыбы головы. А что молоко пахнет рыбой – это пустяки. Зато оно есть. А еще есть козлята – на мясо. И взрослые козы на шерсть.

Мишель ни медяшки не потребовала за тех коз, что раздала в каждый дом. Но жители деревенек рядом с замком оказались благодарными. Замок отскребали от вековой грязи всем миром. Пятерых девушек из деревни и троих парней из тех, кто послабее здоровьем или увечен и не может выходить в море, наняли прислуживать в замке. За двенадцать серебрушек в год. По местным меркам – бешеные деньги. Досталась работа и детям – Рик и Анри прекрасно понимали, что король не должен пока меня видеть. В моем истинном-то облике. Значит, о приезде любых гонцов надо знать заранее. К нам можно было проехать по двум дорогам. То есть по одной проезжей дороге. Вторая была пешим путем через перевал. Анри организовал там наблюдательные посты, где постоянно дежурили четверо ребят. Тоже из тех, что послабее здоровьем.

Если мимо проезжал человек – один из них тут же срывался и бежал в замок с докладом. Гость ехал по дороге в объезд, а мальчишки бежали напрямик через горы. Таким образом, в замке все знали заранее.

Рик вылавливал меня и укладывал в постель. Марта срочно варила дурманный отвар для дорогого гостя и перечаровывала очередной отводящий глаза амулет. Мишель обзавелась десятком амулетов, когда уезжала из столицы. Составлены амулеты были очень хитро. Они не придавали мне новую внешность. Просто чуть корректировали то, что есть. Человек видел то, что ожидал увидеть, – вот и все. Если гонец ожидал увидеть больного ребенка, копию принцессы Мишель, он это и видел. Не здорового, просто слегка худого по человеческим меркам полудемоненка, а больного ребенка в кровати. Не серую кожу, а просто нездорового оттенка. Не голубые с красным зрачком глаза, а обычные голубые глазки, просто слегка красные от недосыпания или плохого освещения... Те же белые волосы. Те же человеческие формы.

Красоту мог бы нарушить хвост, но его я прятал под одеялом. Зачем раньше времени шокировать людей? Эх, жаль, что у меня когти не ядовитые.

Проколов не случилось ни разу.

Рик и Анри не могли позволить себе проколоться. Это означало бы смерть для меня.

По той же причине я почти никогда не появлялся в деревне и за мной никогда не приглядывали слуги. Играл я с детьми Рика – Томом, Мари и Мирандой. И они воспринимали меня не как полудемона, а как человека. Мы вместе шалили, вместе занимались, вместе играли, и нам всем вместе драли уши. Абсолютно не делая различий между принцем и обычным шалопаем. Правда, Рик всегда объяснял нам, за что наказывает. И если наказание было справедливо, мы принимали его без возражений.

Но были и различия. Наш день проходил так. По утрам, пока прохладно, с нами занимался Анри. Мы бегали, прыгали, отжимались, подтягивались, учились стрелять из лука и арбалета, метать кинжалы, фехтовать... Анри не различал, мальчики то были или девочки. Мари и Миранда так же боролись вместе с нами, так же бегали и стреляли.

«В наше время женщина должна уметь защитить себя», – не уставал повторять Рик.

После обеда Анри отправлялся в деревню. Приехав в замок, он решил сделать из деревенских парней хороший гарнизон. И не отступал от своей затеи.

Чтобы добиться послушания, ему пришлось устроить настоящее представление – уложить ничком пару местных силачей, побросать кинжалы, пострелять...

И сейчас каждый день после обеда он занимался по очереди с несколькими деревенскими мальчишками и девочками.

Так же, как и с нами. Разве что нагрузки были полегче. Почему?

А зачем крестьянину или рыбаку высокое фехтование? Двумя клинками или мечом и кинжалом? Хватит и одного меча. Или топора. Или вообще дубинки.

У нас же был обед. А потом мы получали три часа на отдых и игры.

Рик ловил нас после четырех пополудни. И усаживал у себя в кабинете.

Несколько языков. Математика. Чтение и письмо. История и география. Логика и риторика. Политика и навыки управления. Военное дело и рыцарский кодекс. Юриспруденция Раденора и сопредельных стран.

Все, что может пригодиться. Все, что знал и узнавал сам Рик.

Это длилось до вечера. Вечером, часов в восемь, мы ужинали. Потом девочками занималась Мира, Том удирал в библиотеку, а я попадал в руки Марте.

Я же полудемон.

Урожденный некромант. И частично, как ни удивительно – маг огня. Марта считала, что это передалось мне от матери.

И вот примерно до полуночи мы с Мартой сидели и учились. Сначала она объясняла мне все, что умела сама. А потом мы с ней брали любую книгу по магии огня или некромантии – и пытались изучать.

Дар одинаково жег и меня и ее. Он был, он горел, он огнем бежал по нашим венам и требовал применения. И если в магии огня тренироваться было легко – уходишь подальше в скалы и пытаешься запалить все, что только подвернется, с некромантией этот номер не проходил.

Уже в детстве я начал понимать, почему некроманты так редки.

Марта была исключением. Слабый дар, сильный самоконтроль. А если наоборот? Такое случалось гораздо чаще. И дар выплескивается стихийно. А некромантия – это не магия жизни. Это случайно поднятые трупы. Призраки. Упыри и вурдалаки. Вампиры.

Кто из родителей оставит ребенку такую игрушку, как зомби? Свеженький, недавно зарытый...

И некроманты погибали.

Возможно, это произошло бы и со мной. Дар некроманта у меня был огромен. Достаточно сказать, что для вызова призраков мне не нужно ничего. Ни пентаграмм, ни заклинаний, даже капли крови – и то не нужно. Хватает одного приказа. Правда, на весь замок не нашлось ни одного, даже самого облезлого и захудалого привидения. Что тут скажешь? Нищета!

Поэтому пришлось за первым призраком идти на кладбище.

Мы с Мартой часто там практиковались. Очень оно удобно было расположено. Далеко от деревни, за скалами, никому ничего не видно – красота.

Марта часто туда ходила.

Меня она взяла с собой, когда мне исполнилось пять лет. Такой вот маленький скромный подарочек на день рождения.

Другого мне и не надо было.

Я бы этот поход на кладбище не променял на все сокровища короны.

Марта мне в жизни ничего не запрещала. Просто объясняла, что есть вещи, которые мне пока не по силам. Пока.

«Ты же не можешь одной рукой поднять Рика? Пока нет. Надорвешься. А вот вырастешь – и легко сможешь это сделать. Правильно? Правильно. Тогда зачем ты замахиваешься на непосильный труд сейчас? Обещаю, года через два я сама все тебе покажу и объясню. А

пока давай пройдем то же самое в теории. Ты сам поймешь, что тебе надо чуток подрасти. Ты же умница, Алекс...»

Обычно некроманты от того и гибнут. Замахиваются на что-то большее, чем силенок хватает. Вызов демона, например. И гибнут.

У меня была Марта. И ее знаний мне хватало. Хотя бы для начала.

И была прорва книг. На самые разные темы. Меня учили всему, что может пригодиться грамотному правителю. Хороший король – это воин и управленец. И Анри с Риком что было сил делали из меня такого.

А попутно занимались Торрином.

Соленая и копченая рыба. Продукты. Торговля с контрабандистами и пиратами. Пристань. Потайные гавани. Рик четко довел до сведения крестьян – если они хотят торговать, не платя налоги, пусть так, лично он возражать не будет. Но хочет тоже торговать.

Крестьяне не возражали. Им это было удобно. Никто не следит, не охраняет...

А большая часть купленного все равно идет им же.

Например, Рик заказал контрабандистам большую партию ткацких станков. Хороших. Надежных. Или домашних гусей. Бочки смолы. Пеньковые канаты. Полотно. Все отдавалось в крестьянские дома. В замок приносили только двадцатую часть всего добра. Можно – деньгами. Можно – продуктами.

Лентяи здесь не выживали. Все работали как одержимые.

Рик узнал, что крестьяне собирают, по-особому готовят и едят морские водоросли. И поговорил с тетей Мирой.

Уже через полгода заквашенные с пряностями водоросли в бочках разбирали у нас влет. И платили серебром. Водоросли были жутко вкусно приготовлены – мы и сами уплетали их так, что за ушами трещало. Мало того, они долго не портились, так еще какой-то придворный маг жизни сказал, что они полезны для здоровья. После этого они вошли в моду. Что самое смешное – и в Раденоре тоже. Абигейль жила всем модным. И даже не догадывалась, откуда оно происходит.

А тетя Мира пробовала все новые и новые рецепты.

Капитаны везли к нам бочонки и пряности, а от нас – водоросли, мясо и рыбу. А когда Анри наткнулся в горах на серебряную жилу – все вообще стало прекрасно.

* * *

Месторождение серебра попало нам чисто случайно. Время от времени Анри брал нас с Томом в горы. На охоту. И для тренировок на выносливость. Брали с собой провизию, лазили по горам, тренировались – и дней через пять возвращались домой. Усталые, грязные, потные, но жутко довольные. И в этот раз было то же самое.

Я люблю горы. Они похожи на вечность. Мне приятно думать, что они стояли здесь тысячи лет назад – и простоят еще тысячи лет, вонзаясь своими острыми вершинами в тяжелое подбрюшье неба. Меня не будет, не будет и моих детей, а горы будут так же смеяться, так же рвать небо в клочья – и так же будут идти века, не затрагивая их надменного облика.

Они безудержно, тяжеловесно красивы. И я чувствую себя их частью настолько, что иногда забываю об осторожности.

Так и в тот раз. Во многом виноват был именно я.

* * *

– Алекс! Куда ты опять полез?! Уши надеру!

Я перегнулся на выступе скалы и скорчил дяде Анри рожицу. Чего это он мне грозит?! Знает же, что я по скалам карабкаюсь, как ящерица! И сам учил! И кинжалами пользоваться, и крюками, и узлы вязать! А если что – у меня еще и когти есть! Ими я даже за голую скалу могу зацепиться. Так что нечего орать! Подумаешь, обогнал их немного и забрался повыше!

И вообще, мне уже шесть лет! Я уже взрослый! Просто иногда пошалить хочется!

– Не надерешь!

– Это еще почему? – удивился Анри. А Том показал мне язык.

– Потому что ты меня любишь и гордишься! – торжественно объявил я.

Анри не смог сдержать улыбку.

– Слезай, гордость ты наша! А то ведь правда надеру!

Прикидывая, как бы покрасивее спуститься – просто сползти меня уже не устраивало, – я повернулся на уступе и под неожиданным углом разглядел ближайшую скалу. Солнце чуть сдвинулось, поменялись тени – и то, что я ранее принял за пятно на камне – оказалось пещерой. Ну разве можно было ее не исследовать?

Это я и изложил Анри.

Анри думал недолго. В чем-то он до сих пор оставался мальчишкой.

– Сейчас мы с Томом к тебе залезем. Поместимся?

– А то!

Площадка была достаточно свободной, чтобы тут поместились не только мы трое, но и еще пара человек. Я зацепил за ближайший выступ веревку, подергал, повис всей тяжестью – не оборвется, не обломится. И сбросил вниз. Анри и Том взлетели вверх как на крыльях. И Анри подмигнул мне:

– Показывай, где пещера?

Я ткнул пальцем.

Все необходимое у нас было. Веревки. Мел. Факелы. Воды мы недавно набрали – по горам идем. Не по королевскому парку.

Через пятнадцать минут мы углубились в пещеру.

А еще через десять я остановился, разглядывая красивые искорки в камнях.

Анри тоже пригляделся.

– Это какая-то руда. Надо бы взять с собой на пробу. Пусть Рик посмотрит.

Несколько кусочков мы откололи и забрали с собой.

Руда оказалась серебром. И достаточно чистым. Пещера – почти природным рудником. А крестьяне, поняв свою выгоду, работали посменно. Пришлось потрудиться, прежде чем Рик наладил транспортировку руды на равнину. И еще больше, прежде чем мы построили первую плавильню и маленький монетный двор. Зато теперь Рик спокойно расплачивался с торговцами своей монетой. Аристократам ведь никто не запрещал ее чеканить. Но Рик и тут сделал все для меня.

Наши монеты полностью повторяли королевские. Только вместо портрета Рудольфа на них были три буквы. А.Л.Р.

Алекс Леонард Раденор.

Это – я. Полностью – Александр Леонард Раденор, герцог Альтверина и Рвейна, наследный младший принц Раденора.

«Альки», так прозвали монету люди, очень быстро оценили по достоинству. Еще бы! Рик следил, чтобы в каждой монете было не меньше девяноста процентов серебра. Это вам не «рыцарская монетка» и не «королевский огрызок».

Почему такое прозвание?

Рыцарская монетка – это из-за того, что каждый заплесневелый дворянчик у нас имел право чеканить свою монету. Ценности в таких чеканках не было ни на грош. Часто она и

внутри той области, где ее чеканили, не ходила. Дворянчики такими монетами с крестьянами и купцами расплачивались. Из-за того и пошло выражение. Рыцарская монетка. Дешевка.

А королевский огрызок...

Александр Второй казначейство палкой гонял. И серебра и золота в монетах было строго определенное количество. А вот младший брат ее величества, став главой монетного двора, принялся обкусывать у монеток краешки. Из-за этого цены взлетели, деньги обесценились, а монеты с обрезанным краешком получили презрительное название.

Так-то.

А когда Рик понял, что в казначействе и наши монеты обкусывать будут, придумал по ребру монеты чеканить мое имя. Сложно было – жуть! Зато «альки» нельзя было поуродовать и серебра в них оставалось всегда одинаковое количество. Люди это оценили.

Рику и Анри пришлось потрудиться, прежде чем они наладили транспортировку и переработку руды. А чего стоила чеканка монет?

Только пока доставили пресс, прошло полгода. Анри предлагал плюнуть на все – и продавать просто серебряную руду, но Рик держался, как крепостная стена. И с цифрами в руках доказывал и Анри, и заодно всем остальным, что при торговле рудой мы теряем до семидесяти процентов прибыли. А зачем отдавать кому-то свои деньги? Хватит и того уже, что мы в глаза не видим доходов с моих герцогств!

Да, как ни печально. Хотя я и числился герцогом, но налоги за меня собирал дядюшка. И к нам не доходило ни медяшки. Хорошо еще, что с нас ни монетки не требовали. Принцесса Мишель добилась королевским указом освобождения Торрина от налогов. В казне подумали головами, решили, что пятьдесят золотых в год – не такая большая потеря, и смирились.

Им и в голову не пришло, что Рик способен сделать прибыльным любое поместье.

Вор? Простолюдин?

Фи!

А Рик трудился как пчела. На себя же, не на чужого дядю. И вспоминал добрым словом принцессу Мишель. Именно благодаря ее заботам у него было спокойное и безопасное убежище для семьи. Крыша над головой. Средства, чтобы поднять на ноги Торрин.

О безопасности заботился Анри. Обо мне – Марта. Да и тетя Мира меня любила. Она и мою мать любила, а уж меня – и вообще...

У них с Мартой иногда разыгрывались настоящие баталии из-за такой чепухи! Кто будет меня кормить? Или укладывать в кровать? Рассказывать сказку на ночь? По мне – так хоть кто-нибудь. Лишь бы это делалось. А для них это было важно.

Но я их обеих любил.

Мишель умудрилась предусмотреть все. И сколотить себе маленькую команду, и поставить задачу, и обеспечить ее средствами для достижения цели. Так могут только очень немногие.

А иногда я думаю, что она была безумна от своей ненависти.

Отец мне, кстати, это подтвердил.

Какой отец?

Разумеется, демон.

Или вы думаете, что для сильного некроманта общение с демоном – это проблема?

Первый раз я пообщался с демоном, когда мне было восемь лет.

* * *

Марта за меня немного боялась. Напрасно. Я уже тогда был намного сильнее, чем она. Моя нянюшка едва-едва трех зомби поднимала. А я, когда мы стояли на кладбище, знал – я

могу всех их поднять – и уложить. И даже не особенно запыхаться. Подумаешь, мелочи какие! Пара сотен гнилых трупов. Пара капель крови – моей крови! – и они встанут.

Но я так не поступал.

Почему?

А зачем? Один раз я только выпустил свою силу – хотел прочувствовать, как это – когда ты отпускаешь себя на свободу. Как сейчас помню. Я тогда был пятилеткой. Физически. По уму мне уже было лет десять. Такой вот парадокс. Полудемоны взрослеют поздно, а умнеют рано. Я проживу лет на сто больше обычного человека. Может даже до трехсот лет дотяну, если выживу. Или до трехсот пятидесяти. Но лет до сорока буду выглядеть подростком. Ну да речь не об этом.

Мы тогда, как обычно, были на кладбище. И я под строгим присмотром Марты тренировался поднимать зомби, управлять ими и класть их обратно. Медленно. Постепенно. По очереди.

Я видел, как она это делает. Наблюдал за шевелением ее силы. И понимал, что для нее это – тяжело. А для меня было – как соломинки перебирать. Разве сложно?

Вот они все, у тебя в руке. Одну в пальцах повертеть, бросить, вторую повертеть... Чего тут сложного?

И я решил себя проверить.

Мы стояли в пентаграмме. Почему?

Марта настояла. Для защиты от зомби.

Дело в том, что если некромант упускает контроль над зомби, то может получиться вурдалак. Тот же самый зомби, но неконтролируемый. Просто тварь. А что хотят твари? Правильно. Кушать.

Вот для защиты от таких добрых тварюшек и чертится охранный пентаграмма. Если что – отсиживайся в ней, пока силенки опять не соберешь.

Конечно, кто поопытнее, может и пренебречь такой мелочью.

Очень часто именно на этом гибнут молодые некроманты. Вурдалак ведь и своим создателем не побрезгует. Вот представьте себе картину.

Вызвал ты из могилы... ну пусть пятьдесят зомби. Потом захотел еще одного, потянул, силы вложил – и понимаешь, что надорвался. Сил не хватает. Начинаешь паниковать, метаться, и вообще – что делать?! Поднимать этого?! Контролировать тех?! Укладывать всех обратно?!

И все. Контроль теряется, силы рассеиваются, и вместо пятидесяти вполне управляемых зомби у тебя штук пятьдесят неуправляемых тварей. Возможно, что и вурдалаков.

Даже малейшая паника дорого обходится в моей профессии.

Профессии?

Ну да. Я считаю, что моя истинная профессия – некромант. А все остальное – это так, приятное приложение. Или неприятное. Но отвертеться пока не удастся.

И вот я стою, тяну очередного зомби, как морковку за хвост, он вылезает, а я решил добавить силы. А пять лет, силы соразмеряешь пока еще плохо – я и плеснул от души.

Хорошо так получилось. Сила из меня потекла потоком, я вдруг каждую могилку на деревенском кладбище «увидел». Не глазами, а чем-то внутренним. И знаю – слева у меня тридцать могил, справа – пятьдесят, а еще знаю, кто в них похоронен и когда. И даже от чего они умерли. Вон в той могиле ребенок лет пяти. Девочка. Утонула. Ее давно закопали. Лет пятьдесят назад. А в соседней могиле дряхлый дед. Опочил от старости. Примерно сорок пять лет назад. А вот там, на самом краю кладбища, могиле больше ста лет. И лежит в ней молодой мужик, которого ткнули ножом под ребро.

И так я себя почувствовал... Почти всемогущим. Как кукловод с сотней марионеток – и он может заставить плясать любую. Или всех сразу.

Словами это не описать. Это лучше любого вина. Удовольствие почти на грани боли...

В чувство меня привела Марта. Подзатыльником. И криком:
– Алекс! Не надо!! Не справимся!!!

Это она, конечно, ошиблась. Но рисковать я тогда не стал. Свернул силу обратно, как осьминог втягивает щупальца. А само ощущение запомнил. И еще понял, что и это для меня не предел.

Марта тогда меня долго пилила. За беспечность. За риск. За детскую глупость и неосторожность.

Я не обиделся. Потому что еще тогда, на кладбище, в пентаграмме, когда я свернул свою силу обратно и уложил зомби...

Марта тогда стояла, почти не дыша. А когда почувствовала своим слабеньким даром, что все в порядке – и с зомби и со мной, – упала на колени, прямо где стояла, схватила меня в охапку, обняла так, что я чуть не задохнулся, и давай целовать.

– Алекс! Сынок!! Как же я за тебя испугалась!!!

И ни единого слова лжи, ни капли вранья... Она меня действительно любила, как сына. И испугалась до истерики. Не за себя. Своей жизнью Марта как раз особенно не дорожила. А вот за меня она любого убила бы. Медленно и мучительно. Темным силам в жертву принесла бы – и не задумалась.

Но пилить меня за неосторожность всю дорогу до дома ей это ничуть не мешало.

* * *

Демона, от которого меня зачали, я вызвал в день своего зачатия. Мне тогда было восемь лет. Я уже говорил.

Марта пыталась меня разубедить. Говорила, что вызвала очень сильного демона. Сама она такого ни в жизнь не потянула бы. Ей принцесса отдала всю свою силу. А Мишель была сильной магичкой огня. Ее бы учили – рядом с ней тот приснопамятный пожар и разгореться б не посмел. Одного слова «потухни» за глаза хватило бы. Но Мишель не учили. Принцесса же! Как же можно-с?

Ночь была лунная. Красивая. Как раз наступило полнолуние. Звезды видно. Вызовом мы занимались в башне. Там же, где и в прошлый раз.

Только в тот раз наблюдала Мишель, а делала Марта. А в этот раз Марта только наблюдала. Рисовал, призывал, вкладывал силу – я.

Мелок в моих руках светился синим. Обычный, ученический.

Но силы я столько вкладывал, что пентаграмма призыва засияла огнем, когда я только начал ее чертить. Даже не знаю, как лучше сказать. Дар некроманта, моя сила некроманта и полудемона текли с рук, впитывались в мелок, скользили по линиям – и те оживали на глазах.

Я нарисовал по углам нужные символы – призыва, ухода, смерти, крови, темноты, закончил пентаграмму – и отступил на шаг.

Надрезал руку, сцедил немного крови в чашу, плеснул ею в самый центр пентаграммы – немного, в чаше еще осталось больше половины, и вместо того, чтобы читать заклинания, тихонько позвал:

– Призываю тебя родственной кровью...

Красиво было. В центре пентаграммы, там, где выплеснулась моя кровь, за клубился красноватый дымок. И оттуда шагнул ОН.

Высокий. Метров пять. Весь в серой броне с шипами. У меня-то чешуя не слишком развита, а у него прямо по всему телу такие шестиугольные пластинки. И всюду шипы. Морда – назвать это лицом я просто не смог – длинная, вытянутая, словно гигантский клюв. А в клюве зубов столько, что сосчитать – неделю будешь трудиться. За спиной – крылья. Хвост стелется

по полу. И по всей броне струятся, скользят, кружатся черные искорки. А там, где они касаются пола – на ногах, крыльях, хвосте, – даже пол немного обугливается.

Частички Тьмы.

А в руке – хлыст из тех же черных искорок. Длинный, с девятью хвостами.

Красиво. Я даже позавидовал. Я-то еще маленький, мне до такого расти и расти...

Стою, молчу. Он стоит, меня разглядывает. Марта ни стоять, ни молчать не стала. Сделала шаг вперед – и говорит:

– Хватит тут яйцами трясти. Уменьшайся. Шею ломит на тебя глядеть!

И тут он расхохотался. Башня ощутимо вздрогнула, Марта поежилась, а я вдруг... почувствовал гордость? Мне понравилось, что вот эта сила, эта мощь – мой отец. И захотелось быть таким же страшным и грозным.

А демон тем временем как-то обернулся крыльями – и вдруг стал уменьшаться. Минута – и в пентаграмме стоит этакий симпатяшка-аристократ. Не зная, кто это, – в жизни не догадаешься!

Волосы светло-золотые, глазки голубенькие, кожа белая, как мрамор. Фигура щупленькая. Дунешь – переломится. А вместо хлыста в руке – розочка.

Эта розочка меня окончательно добила. Слов не было. Зато заговорил демон. Словно ветер зашумел за окнами старой башни.

– Хамишь, – говорит, – некромантка. В тот раз грозила, в этот раз ругаешься... Не боишься, что я твою душонку после смерти поуродую? Будешь века гусеницей ползать...

Голос у него был...

Холодный. Скрипучий. Как будто две сосульки трут друг об друга. И вот они не звенят, а хрустят и трещат. Неприятно так, жалобно... Уши зажать хотелось.

Марта улыбнулась. Потом я понял – она мне давала время в себя прийти. Чтобы демон моей неуверенности не видел.

– Не боюсь, – говорит, – демон. Я свое самое важное дело уже сделала. Теперь что будет, то и будет.

И в голосе чувствуется – ей и правда не страшно. Вот ни капельки. И демон это понял. А смелость Темные уважают. Именно смелость. Демон даже выражение лица изменил. Уже не надменно-брезгливое, а просто холодное. Спокойное такое.

– А в этот раз зачем звала? – спрашивает.

И я шагнул вперед. К пентаграмме.

– Это я звал.

И голос у меня не дрогнул. Я уже не боялся.

Демон уставился на меня в упор. И улыбнулся. Улыбка была... замечательная. Сначала она просто преобразила его лицо. Даже ямочки на щеках появились. А потом губы раздвинулись. Оскал острейших зубов и раздвоенный змеиный язык. Как у меня. Я такое же в зеркале видел по утрам, когда зубы чистил. И всякий страх я потерял. Чего бояться-то? Сам такой!

– В таком виде вы с моей матерью меня делали? – спрашиваю.

Демон головой тряхнул – и подходит еще ближе к краю пентаграммы.

– С твоей матерью, – говорит. А глаза голубые. Насмешливые. Холодные. – Это та блондиночка? – и смотрит на Марту. – Да. В своем истинном облике я для нее великоват.

– Да и частицы Тьмы вещь неприятная, – соглашаюсь я.

Демон мне еще раз улыбнулся.

– А ты меня зачем позвал... сынок? Сестренку хочешь? Вот от этой, черненькой?

Я только головой покачал. Ответить не успел. Марта вмешалась:

– Не издевайся над ребенком, демон.

– Если он меня вызвал, значит, уже не ребенок, а некромант, – резонно возражает ей демон. – Можешь называть меня Аргадон, мальчик.

– А я – Алекс. Александр Леонард Раденор.

– Раденор... страна в этом мире?

– Да, – говорю. – А ты разве не должен знать?

Демон... отец только плечами пожал.

– Алекс, ты знаешь, сколько миров во Вселенной? А сколько вселенных? И ты хочешь, чтобы я помнил одно захудалое средневековое местечко?

Я тоже улыбнулся.

– Ты же демон войны, – говорю. – А тут тебя вызвали по такому оригинальному поводу. Неужели не запомнилось?

Аргадон расхохотался еще раз.

– А ты и правда мой сын. Гляди-ка, у той безумной ведьмочки получился хороший мальчишка...

– Не говори так о Мишель!!!

Марта аж ногой топнула. Но Аргадон только пожал плечами.

– Это правда. Твоя мать, Алекс, была безумна. От горя и ярости. Ее кто-то предал. И она поклялась отомстить.

– Она умерла.

– Это тоже нормально. Если бы она родила от инкуба, у нее были бы шансы. А я – слуга войны. Ворон боя. Как она еще родить-то смогла... Сколько месяцев длилась беременность?

– Восемь лун, – ответила Марта.

– Ага. Неплохой результат. Она была... огонь, да? Алекс, ты огнем владеешь?

– Да. Мало.

– Это неудивительно. Ты еще ребенок.

– Некромант.

– Верно запомнил. Но для меня ты будешь ребенком, пока первый раз не сменишь форму.

Вот тут я уши наострил. Знаете, как хотелось?! Рик с семьей на ярмарку – я дома. Анри в деревню – я дома. Слугам – и тем на глаза без амулета показаться нельзя.

– А когда это будет?

Демон на меня поглядел, как на корову, которую покупать собрался. Внимательно так. Серьезно.

– Тебе сколько лет?

– Восемь.

– Ну вот еще лет через пять-десять. Тогда сможешь менять форму по своему желанию... наверное.

– Наверное?

– Ты же полудемон. Я не знаю, что ты от меня унаследовал, а что – нет.

Я уже окончательно осмелел. И спрашиваю:

– А проверить никак нельзя?

Демон аж головой дернул. А потом расхохотался. Знаете, как демоны хохочут?

Страшно?

Нет. Так же, как не страшна гроза. Или молния. Или ураган. Дико, яростно, хищно, безумно, неистово, но красиво. По комнате плеснуло холодом. В углах пентаграммы закрутился дымок, а Марта еще сильнее побледнела. Она за меня боялась. Что не удержу демона. Или сам не удержусь и шагну к нему.

Но я этого делать не собирался. Слишком хорошо я помнил, что демонам не доверяют.

– Вы, люди, вконец обнаглели, – говорит. – Палец дай – на шею сядете! С чего это я проверять буду?

– А самому не любопытно? – спрашиваю.

– А ты мне достаточно доверяешь, – спрашивает демон, – чтобы войти в круг и дать мне свою кровь?

Тут я задумался. С одной стороны – это самоубийство для некроманта. С другой – любопытно. И все-таки это не абы какой демон, а мой отец. Марта хотела что-то сказать, но демон поднял ладонь – и она замолчала. Я видел, как они переглядывались, этак понимающе, словно что-то сказали друг другу и теперь ждали меня, но тогда мне было не до взглядов. Я размышлял. Дать? Не дать? Шагнуть? Остаться? И наконец покачал головой.

– Нет уж. Настолько я тебе не доверяю. Другого способа нет?

Я прямо-таки увидел, как расслабилась Марта. Оказывается, все это время она готова была хватать меня, убеждать, тащить и не пущать... А демон только улыбнулся.

– Молодец, мальчик. И запомни на будущее. Демонам не верят. Не потому, что мы – порождение Темного Искушающего или как там его у вас зовут. Это все глупости. А потому что люди – наша пища. И торговаться с ними... это все равно что тебе – разговаривать с колбасой. Все равно ведь скушаешь. Что бы она там ни говорила. Так что не забывай этого.

И я понял – я сдал свой первый экзамен. На некроманта.

– Так я ж полудемон?

– Но не чистокровный. Это для меня ты сын, а для других – пища. Пока не докажешь, что сам их сожрать можешь.

И такие клыки во рту сверкнули – я навсегда запомнил это выражение лица, пронизывающий голос, жажду крови... «*Пи-щаа...*»

– Ладно, – киваю. – Верить тебе нельзя. А проверить меня другим способом ты можешь?

– Могу, – соглашается. – Ты же меня все равно угостишь своей кровью, когда будешь отпускать? Дай мне немного крови пораньше.

Я поставил чашу на один из углов пентаграммы, а демон взял ее и сделал глоток. Посмаковал, как дорогое вино, минуту покатал на языке, потом облизнулся – и кивнул.

– Хорош-ш-ш-шо-о-о. Ты сильный, мальчик. Значит, так. Ты обладаешь магией огня. Как твоя мать. Хотя ты намного слабее. Ты сильный некромант и демонолог. Это и моя фамильная сила. А еще ты сможешь трансформироваться, но только когда вырастешь. Думаю, лет в пятнадцать, не раньше.

– А раньше – никак?

– У тебя может раньше срока борода вырасти? – забавлялся демон.

Я все понял.

– А почему у меня две силы? У людей же...

– Так какой из тебя человек? Полудемон ты. Полукровка. И дар у тебя такой же – с каждой половиной крови свой.

– А больше я от тебя ничего не унаследовал?

Демон задумался, потом кивает...

– Пожалуй. Ты сам можешь выбрать, куда тебя кровь поведет.

– Это как? – спрашиваю.

– Кровь – это сила. Ты полудемон и получеловек. Позволишь вырасти в себе демону – демоном и станешь. Нет – человеком останешься и человеческую жизнь проживешь.

– А что нужно, чтобы стать демоном?

– Убивать.

Отвечено было так, словно... ногти чистить. Или, там, лошади хвост подстригать.

– Убивать?

И по губам Аргадона скользит улыбка. Ленивая, неспешная, змеиная...

– Не просто убивать, нет. Своими руками, медленно, мучительно, наслаждаясь каждым криком жертвы и ее ужасом. Выпивая чужие жизни, как вино, и вдыхая чужую смерть, как дым.

Я задумался. Убивать людей? Нет, этого мне не хотелось. А демон усмехнулся еще коварнее.

– И начинать надо с близких. Вот с этой нахалки...

Я поглядел на Марту. И такая меня дрожь пробрала, как представил, что мне надо ее убить.

Мою няню, вторую мать, которая меня любила, которая ради меня жизнь бы отдала... Что я демону ответил – лучше при дамах не повторять. От такого бы и цветы повяли. А Аргадон рассмеялся. Ему что – демону? И пальцем Марте грозит.

– Эх, такого демона испортили своей любовью... люди!

Марта фыркнула, руки на груди скрестила.

– Завидуй молча, чешуйчатый!

Аргадон опять усмехнулся. Но мне споры слушать некогда было.

– А ты меня учить можешь?

Демон расхохотался. Только стены дрогнули.

– Только в обмен на душу, сынок!!!

Душу мне отдавать не хотелось. О своей силе я узнал. На отца посмотрел. Оставалось только отпустить его.

Что я и сделал. Пролил кровь на пентаграмму, произнес заклинание...

Встреча любящего отца и почтительного сына во всей красе, да.

* * *

Так неспешно шли года. Мне исполнилось десять лет. Потом – двенадцать. С клинком я управлялся лучше Анри и выигрывал у него восемь схваток из десяти. Дошло до того, что на меня нападали одновременно Анри, Том и Рик. Мне нравилось. И им тренировка – и мне.

Марта восхищалась моими талантами в некромантии. Она отлично понимала, что я могу поднять всех мертвецов в округе, а потом уложить – и даже не запыхаться. Управление любой нежитью и нечистью, любой призыв демона – будь то демон войны или обычная суккубочка – давались мне без особого труда. Я себе казался почти всемогущим. Это меня однажды чуть и не погубило.

Зато у меня появился еще один воспитатель.

Дело было так.

* * *

Рене Гирр гнал коня, пока бедное животное не пало. Потом он задержался на час – и конь опять встал на ноги. От зомби уже начало пованивать, но преимущества были налицо. Конь-зомби двигался чуть медленнее обычного коня, зато был неутомим и бежал даже со сломанными ногами.

К сожалению, его хозяин неутомимостью не страдал. Третьи сутки в седле сделали некроманта неотличимым от его созданий. Проще говоря, сейчас когда-то симпатичный сорокалетний мужчина очень походил на вампира. Такой же бледный, с красными глазами и резко запавшими щеками. Довершали картину неделю нечесанные волосы и черный плащ. Почему черный? Так удобно же! Белый плащ каждый день стирать приходится, а черный можно носить, пока он не станет серым.

Рене был некромантом. Сильным. Грамотным. А еще – ученым. То есть сперва он был ученым и даже преподавал в Королевской Геральдической школе. Историю искусств. А некромантия...

Если человеку дан талант к некромантии – это нельзя зарыть в землю. Только поднять из земли. Или оно само поднимется. Увы. Рядом с магом огня случаются возгорания. Маг воды постоянно живет рядом с водой – если не разливаются реки, то льют дожди, а некромант... Рядом с некромантом, который не знает о своем даре, всегда будут различные формы нежити.

Рене узнал, что он некромант, довольно рано. Лет в девять.

У него умер любимый пес. Джок. И мальчик ревел весь вечер, повторяя одну и ту же фразу: «Не хочу, чтобы он умирал! Хочу, чтобы Джок вернулся!!!»

Мудрость *«бойся своих желаний, они и исполниться могут»* Рене постиг в ту же ночь, обнаружив у себя на одеяле мертвого пса, в комьях могильной земли.

Крик мальчика разбудил родителей.

Маргит и Вайс Гирр оказались мудрыми людьми. Они не стали кричать: «демон!», «нечистый!», «темный!», «искушающий» и – венец всему – «некромант»!!! Они поняли, что их ребенок... Да-да, именно то самое. Но будучи людьми образованными, решили разобраться самостоятельно.

Они не желали маленькому Рене жизни в монастыре. Или того хуже – смерти на костре. Когда на мальчика будут взваливать все беды – от вороны на крыше до плохого урожая репы в соседней деревне. Некромантов и в монастырях сжигали. Такой судьбы родители для сына не хотели.

Поэтому Маргит просидела всю ночь рядом с сыном, убеждая его, что ничего страшного не происходит. *Это Джок, да. Просто он устал – и ушел от тебя на собачье небо, сынок. А ты его оттуда вызвал. И теперь придется ему, бедненькому, оставаться в мертвом теле. А надо его отпустить обратно. Ты же его любишь? Любишь. Вот и не заставляй его мучиться.*

А Вайс с утра пораньше отправился в книжную лавку, в которой – он это точно знал – из-под полы приторговывали еще и магическими книгами.

Там и был приобретен первый учебник некромантии для сына. *«Записки некроманта-практика Альфреда Люциуса, мои первые шаги, ошибки и их исправление».*

Эту книгу Рене выучил от корки до корки.

День Джок провел у него в комнате. Когда настала ночь, Рене уложил пса обратно в его могилу. И как-то, он сам не знал как, отпустил его душу. Кто сказал, что у животных нет души? Рене мог бы поклясться, что душа Джока, улетаая вверх, задорно тявкнула ему на прощание. И словно мокрый холодный нос ткнулся в ладонь. *«Не грусти без меня, мальчик. Мы еще побегаем наперегонки по весеннему лугу».*

Рене начал заниматься некромантией всерьез. Тайно. Явно, на людях, сын ученого Вайса изучал историю искусств, как и его отец. Когда Рене исполнилось двадцать лет, Вайс Гирр умер. Рене получил его должность в Королевской Геральдической школе и быстро осознал, что ему – мало. Мало денег. Мало возможностей. Да и дар некроманта надо было использовать. Иначе возникала опасность самопроизвольного выброса магической энергии. Рене недолго думал. Его скрыли маска и плащ с большим капюшоном. В таком виде юноша и постучался в лавку амулетов, предлагая свои услуги тем, кто стоит по другую сторону закона. Он оказывал услуги различным людям. Мог вызвать призрака, поднять покойника, призвать усопшего, вызвать демона, узнать, жив или мертв человек, навести или снять порчу – все перечислить было сложно... Единственное, чего он никогда не делал, – не использовал свой талант для убийства.

Но и одного таланта было достаточно, чтобы травить его, как зайца.

Рене было тридцать пять, когда умерла Маргит, его мать, – и юноша остался совсем один на свете. Зато с домом и деньгами в кармане. Жениться он не торопился, справедливо полагая, что жена может и не одобрить его... увлечение. А за некромантию теперь полагалось сожжение на костре.

Жить хотелось больше, чем жениться. А для удовлетворения похоти существовали и доступные девицы из веселых домов.

Рене попался, когда случайно увидел юную Кассандру Лайкворт. Девушка приходилась племянницей одному из преподавателей богословия – суровому и истинно религиозному Герману Лайкварту, с которым Рене постоянно полемизировал на занятиях.

То, что казалось некроманту вполне обычным и даже обязательным для юных учеников – то есть рассеянность на уроках, невнимание, невыученные задания, самовольные отлучки и прогулы, в глазах Германа превращалось чуть ли не в преступление. Размахивая руками, он перечислял прегрешения попавшихся к нему в лапы учеников перед всей школой и отправлял их на конюшню для вразумления. За что и получил от учеников прозвище «Богомол». Мало того, своих дочерей Герман вообще воспитывал в монастыре и собирался из них сделать монашек.

Сам Рене отлично об этом знал. Как и об отношении Германа к религии. К некромантам. К женщинам, наконец.

Кассандра была дочерью его недавно умершего старшего брата. Алексиус Лайкворт, в отличие от Германа, был ценителем прекрасного во всех его видах, будь то отличное вино, дорогие ткани или прекрасные женщины. Он жил со вкусом, не отказывая своей дочери ни в чем. И до семнадцати лет Кассандра жила как маленькая принцесса. А потом у Алексиуса случился спазм сердца. И Кассандра на долгих пять лет превратилась в сиделку при своем отце. За это время семья слегка обеднела, но не сильно. Хватило бы Кассандре на приданое. Но девушка выйти замуж и оставить отца отказалась. Дочерняя любовь. А когда отец умер, оказалось, что все его состояние переходит к брату. Так составил завещание еще их отец. Кассандре же выделяется приданое, когда она решит выйти замуж.

Не то чтобы Герман запрещал племяннице выйти замуж или уговаривал удалиться в монастырь. Понимал, что поздно такое проделать, да и брат не одобрил бы. Просто мужа он ей собирался подыскать в соответствии со своими представлениями о хорошем человеке. Молодого, порядочного набожного парня из порядочной и очень верующей семьи. И каково это было Кассандре? За время болезни отца девушка привыкла быть себе полной хозяйкой. Более того, ее отец к религии относился примерно как к червякам. Я иду. Они ползают. Мы друг другу не мешаем, но и пересекаться с ними незачем. А зачем? Что человеку обсуждать с червяками?

Во время правления Александра Раденора такое отношение к церкви было нормальным и даже слегка приветствовалось. Это его сыночек, Рудольф, чтоб его Искушающий лично сожрал, начал потихоньку давить на всех, кому была безразлична церковь.

Кассандра же была копией своего отца. Ей было безразлично, что, как, зачем... Ей и в голову не приходило вставать затемно, чтобы на рассвете попасть в храм на службу. Молиться? Зачем? Если Бог – добр, он и так увидит, что зла она никому не делала. Если же нет – моли, не моли...

Высказывать все это дядюшке она не стала. Девушке хватило ума разобраться, к какому человеку она попала в руки, и принять самый скромный и богобоязненный вид. Покрыла слишком яркие волосы платком, заказала одежду поскромнее и потемнее, вдохновенно цитировала Заветы Светлого Святого – а в душе откровенно потешалась над дядюшкой.

Почему так?

Бороться она все равно не смогла бы. При первом же бунте дядюшка мог избить ее, посадить под замок, объявить сумасшедшей, заточить в монастырь, как своих дочерей, – правосудие Рудольфа давало ему все карты в руки. Оставалось притворяться покорной. И ждать своей минуты. Человека, за которого можно будет выйти замуж и избавиться от омерзительного родственника.

Но кого выбрать? Сначала вопрос стоял именно так. Потом Кассандра задалась другим вопросом – как найти такого человека? Потому что ее дядюшка общался только с такими же

закоренелыми и закоренелыми в своей вере существами. Людьюми Кассандра назвать их не могла. Так, не пойми что. В глазах – пустота, в голове – Заветы Светлого Святого, на языке – молитва. Кому-то нравится, а кто-то и травится.

И Кассандре были предложены на выбор два вдовца – один с восемью, а второй с пятью детьми – и молодой человек ее возраста, отличавшийся крайней набожностью и по этой причине не решавшийся даже заговорить с девушками. Кассандра подозревала, что если она выйдет замуж за этого ребенка, то так и останется навек девушкой. Вряд ли этот истинно верующий даже подозревает, что детей не находят на грядках. Кроме того, он был на полголовы ниже Кассандры, у него были узкие плечики человека, который ни разу в жизни не занимался физическим трудом, и омерзительный белый налет на губах. Девушке постоянно хотелось сплунуть при виде этого зрелища. Она бы жалела мальчика, будь такой ее братом. В роли ее жениха же он вызывал только тошноту. Не настолько уж девушка отчаялась, чтобы решиться на подобное замужество.

Пришлось вести себя с мальчиком настолько чопорно и холодно, что бедняга стал сначала заикаться в ее присутствии, а потом исчез из ее жизни, сообщив Герману, что его племянница – просто алмаз и так тверда в своей вере...

Вдовцы тоже не привлекали. Владелец восьми детей отличался вдобавок к набожности редким сластолюбием. И постоянно норовил облапить девушку или потискать под столом ее ногу. Кассандра представила себе, что ее ждет рядом с подобным похотливым козлом, – и ее затрясло. Постоянные роды, после которых даже не дают передохнуть. Измены? Да лучше б изменял, но – нет! Вера не позволяет! А загонять женщину своей «верой» в могилу?! Это – как? Небось не лопнул бы за пару недель от воздержания! Плюс еще восемь детей.

Этого жениха Кассандра отшила еще решительнее. Хватило несколько раз подлитого в его кубок сильного слабительного. И, конечно, длинной булавки. Которая, по странному совпадению, оказывалась открытой в тот момент, когда мужчина пытался полатать ее под столом. Получив шесть или восемь дырок в руке, он стал воздерживаться от подобных «ухаживаний». А сильное слабительное, которое действовало три-четыре дня, и вовсе заставило отказаться от визитов к Герману Лайкворту. Жениться он хотел, но на домашней курице, а не на дикой кошке. Если сейчас – слабительное, кто сказал, что потом не будет яда?

С третьим кандидатом не понадобилось даже и этого. Увидев полное отсутствие интеллекта и свет веры в глазах второго вдовца, Кассандра стала заводить в его присутствии – и, заметим, в те моменты, когда дядюшка оставлял их наедине, – речь о том, что мечтает жить в монастыре! И служить Светлому Святому. Через две-три луны до кандидата в мужья дошло, что ему тут не обломится, – и он оставил Кассандру в покое.

И дядюшка принялся приискивать новых мужей. Спору нет, он действительно хотел для своей племянницы самого лучшего, то есть мужа как две капли воды похожего на самого Германа. Набожного и рассудительного.

Вот только Кассандра такого мужа не хотела. Лучше уж сразу – головой на мостовую. Все быстрее, чем умирать каждый день, задавливая в себе последние искры разума, веселья, искренности, живости...

Поэтому девушка стала еще более набожной. Дядюшке и в голову не пришло, что, молясь по пять раз в день и бегая в храм по три раза, его племянница использует это время, чтобы погулять по городу, пострелять глазками по сторонам, а там, глядишь, и найти себе кого-нибудь.

С Рене они встретились чисто случайно. Кассандра шла с дневной службы, а Рене, с вечера немного перебрав после выгодного заказа от гильдии воров, остался ночевать у профессионально милой и услужливой девушки. И ближе к обеду, расплатившись с ней за услуги, направлялся домой.

Погода была вовсе не божественной. Ветер пригнал с моря тучи, хлынул дождь – и Рене пришлось переждать его в лавке пекаря. Туда же через несколько минут вбежала и Кассандра.

Встряхнувшись, сбросила с плеч промокший плащ – и некромант замер. Кассандра не была красавицей в классическом понимании этого слова. Слишком рыжие волосы, чуть раскосые зеленые глаза, белая кожа, украшенная на переносице несколькими веснушками, слегка неправильные черты лица – слишком крупный смеющийся рот, слишком резкие и высокие скулы, но разве это имело значение?

Когда сердце внезапно замерло, а потом застучало так, что даже дышать стало сложно. И что-то тихо шепнуло в глубине души: *«Если ты еепустишь, дурак, всю оставшуюся жизнь жалеть будешь!»*

И Рене решился. Пусть он выглядел непрезентабельно после вчерашнего! Неважно!

Важно было другое. Узнать, кто его красавица и откуда. Остальное можно будет сгладить потом.

Надо сказать, Кассандру он не испугал. Отца своего она видела и более растрепанным после веселых пирушек. Скорее наоборот, вид Рене доказывал, что человек это хоть и состоятельный, но не чужающийся радостей жизни. А после общения с дядюшкой для Кассандры это было большим достоинством. Возраст? Ну да. Рене было уже почти сорок. А Кассандре – двадцать четыре. Она не успела выйти замуж до того, как болезнь свалила ее отца, а потом, когда переехала к дядюшке, стало поздно. Дядя постоянно напоминал ей, что она – перестарок. И вряд ли найдется хоть кто-то, кто на нее позарится. Но дядя оказался не прав.

Нашелся.

Разговорившись – ливень длился чуть ли не полчаса, – Рене и Кассандра удивились, что не встретились раньше. Нашли много общих тем для общения. И с радостью отметили определенную общность взглядов. Рене как некромант вообще мало уважал обычаи, нравы и традиции. Не говоря уж о религии. Что ему было – уважить ее и самосжечься? Ага, уже побегал в храм, только штаны подтянуть осталось.

Кассандра же, как женщина, кругозор которой формировался отцом и собственно ею самой, привыкла к свободе. И встретив в Рене уважение и понимание – расцвела.

Некромант зачастил в храм. На дневную службу, когда ему это позволяли занятия. Кассандра и так ходила туда три раза в день. Рене ждал ее после службы и провожал домой. Они разговаривали, шутили, смеялись...

Через две луны Рене решил, что именно эта женщина ему и нужна.

Кассандра приняла такое решение намного раньше, поэтому согласие на его предложение руки и сердца последовало незамедлительно.

Препятствием оказался уважаемый и благочестивый Герман Лайкворт. Рене он любил, как кошка – трепку. И к просьбе выдать за него племянницу отнесся без малейшего понимания. Некромант получил решительный отказ. Девушку заперли в своей комнате. Что ж, это было предсказуемо.

И Рене, откланявшись и напоследок обозвав будущего родственника последними словами, перешел к плану «Б».

Некромант не умел взламывать запоры и замки. И похищать прекрасных дам – тоже. Зато с этим прекрасно справились его знакомые из гильдии воров, которым некромант оказывал частые услуги, не делясь с законом ни сведениями о клиентах, ни гонорарами. Клиентов все устраивало. Некроманта – тоже. Кассандру вытащили из дома быстрее, чем ее дядюшка прочел бы молитву. Остальное тоже не составило труда. Слуга Светлого Святого за небольшую плату обвенчал вполне совершеннолетнюю и отдающую себе отчет в происходящем девицу с таким же разумным и взрослым некромантом – в своей профессии молодожен, правда, не признался.

Явившемуся утром дядюшке были предъявлены запись о браке и простыня с доказательством того, что брак состоялся.

Уважаемому Лайкворту это решительно не понравилось, но деваться было некуда. Совершеннолетием для женщин считался двадцать второй год, Кассандре было даже больше.

Надежда выдать ее замуж умирала с каждым днем. Поэтому дядюшка плюнул племяннице на порог и отправился домой.

Молодожены счастливо прожили два года. Пока в городе не разразилась эпидемия лиловой ветрянки. Название было забавным. Сама же болезнь...

Она летела на крыльях ветра. Передавалась с прикосновением. С укусом блохи. Да что там, достаточно было даже просто потрогать тряпку, которой вытирали пот больного, чтобы заразиться. И ветрянка выкашивала целые города. Днем все было как обычно. К вечеру температура начинала повышаться. Больной два дня метался в жару. На третий день покрывался лиловой сыпью. На четвертый сыпь переходила в мелкие, но ужасно болезненные язвочки, которые через два дня расползались вширь, превращаясь в настоящие ранки, а еще через два-три дня человек умирал. Исключений не было. Были те, кто умирал раньше – и те, кто умирал позже. Почему ее не лечили?

Потому что лиловая ветрянка не была болезнью в полном смысле этого слова. Наполовину болезнь, наполовину проклятие, вот уже несколько сотен лет летающее по миру. История возникновения болезни была печальна. Когда волшебница, обладающая магией жизни, внезапно влюбляется в некроманта – им не дадут жить спокойно.

На замок, где счастливо жили и экспериментировали влюбленные, напали фанатики, истово верующие в Светлого Святого.

До сих пор неизвестно, что именно там произошло. Магов убили. Обоих. Замок спалили. Очевидцы умерли через достаточно короткое время. Больше пяти лет не прожил никто из людей, участвовавших в убийстве. Мало того, умирали и их родные и близкие.

А потом несколько отчаянных голов решили покопаться на развалинах замка – вдруг чего да найдется в подвалах?

Они заболели на второй день после возвращения из замка. Тогда вымерла вся деревня. И еще несколько. И три города, прежде чем остановили эпидемию.

Маги жизни были бессильны. Они говорили, что это – обычная ветрянка, только измененная. Извращенная и усиленная. Проклинали экспериментаторов. Возмущались. Пытались найти средство от болезни. Перепробовали все. От растений до магии. Но все было напрасно.

Для излечения ветрянки требовался квалифицированный некромант.

Потому что болезнь была предсмертным проклятием двух влюбленных. Болезнь, которую изучала маг-целитель, чтобы бороться с ней, стала последним проклятием некроманта – и как всякое проклятие могла быть снята только некромантом. После этого вылечить остаточные симптомы не составляло труда для любого мага жизни.

Рене был более чем квалифицированным, потому и не заболел. Некромант, не умеющий защититься от чужих проклятий?! Ха! А вот Кассандру он отстоять не успел. Дорогая супруга – отлично знавшая, чем занимается муж, и ни капли не возражавшая! – пыталась поддерживать хорошие отношения с дядюшкой. Зачем? А вот затем. Герман Лайкворт был известен своим благочестием. Разве станет он дружить с женой некроманта?! Да никогда. Даже с женщиной, мужа которой просто подозревают в чем-то плохом, – и то не станет. Этим надо было пользоваться. И Кассандра регулярно навещала дядюшку, выслушивала его проповеди, ходила с ним в церковь, приносила пирожки собственного изготовления по праздникам, одним словом, подлизывалась как могла. Особенного зла она на дядюшку не держала, понимая, что благочестивый Герман искренне хотел ей добра. Просто у них разное его, добра, понимание. Что поделать. Ну, дурак. Но не злобный же.

Хотя Кассандра отлично сознавала, если дядюшка узнает, что ее муж некромант, – непременно донесет. Так что ж. Значит, он не должен об этом узнать. Вот и все.

Дядюшка заболел одним из первых. И Кассандра, в тот день бывшая у него. Тем и была опасна лиловая ветрянка, что первый день был почти обычным. Никто не знал, от кого может заразиться. У больного только чуть темнели вены, становясь из голубых – лиловыми.

Рене сразу же увидел, что жена – больна. Стоило ей переступить порог. Прочитать в ауре супруги болезнь-проклятие для некроманта не составило труда. И он тут же взялся за ее лечение. Снять проклятие было делом пары часов. Дать дорогой супруге настойку от обычной ветрянки и проследить, чтобы в ауре не осталось даже следа болезни – и того проще. Собрать все вещи супруги и посадить ее в спешно нанятую карету – вот это самое сложное.

Кассандра решительно не хотела ехать. Незачем. Болезнь ей уже не опасна. Второй раз лиловой ветрянкой никто не заражается. Она останется с мужем. И вообще, она беременна!

Рене, отлично знавший о беременности – некромант же! Какой опытный некромант не сможет различить число душ рядом с собой? – понял, что логические доводы на Касси сейчас не подействуют. И вплотную занялся успокоением дорогой супруги. Это заняло два часа. Очень приятных, надо сказать, часа. Но и потом Кассандра не хотела ехать. Убедило ее только обещание мужа приехать, как только закончится эпидемия.

Рене не обольщался. Луну, пока идет эпидемия, он будет нужен. Потом его захотят убить. За что? Хм, был бы некромант, а костер найдется. Так что по окончании эпидемии придется уезжать. Но чтобы не бедствовать на новом месте, надо продать все имущество. А Касси, любимую и обожаемую, надо отправить из города заранее со всеми деньгами, которые удастся собрать.

И Рене бросился искать семью, которая так же захочет уехать из города. Хотя бы на время.

Долго искать не пришлось. Через два дома от него жил кучер, водивший почтовые кареты. Услышав от некроманта про лиловую ветрянку и увидев доказательства – характерное изменение цвета вен с синего на лиловый у одного из своих детей, Рубен Шихли готов был целовать некроманту руки и ноги. За предупреждение и спасение.

Они выехали в тот же день. В карете Рубена, который обязался доставить Касси в Лимдор – небольшой городок на границе с Риолоном. И опекать там до приезда за ней некроманта – или человека, которому некромант отдаст письмо и кольцо.

Оплатой стало безукоризненное здоровье семьи кучера, который увозил из города живую и здоровую Кассандру, а заодно свою мать, жену и двоих детей. Пока никто еще ничего не узнал. Пока не началась паника. Не вспыхнула эпидемия. Не перекрыли дороги. В Лимдоре собирались переждать и они – пару лун, пока не пройдет эпидемия. Но на всякий случай некромант дал супруге несколько хороших защитных амулетов, настроенных на альтернативное отражение произнесенной злой воли. А в переводе на нормальный язык так: если владельцу такого амулета кто-то пожелает подохнуть – издохнет сам. Пожелает ногу сломать – и сам окажется на костылях. Пожелает сгореть – хорошо, если сам спасется от пожара.

Надолго таких амулетов не хватало, но Рене искренне надеялся найти свою супругу раньше, чем в них кончится сила.

Кассандра рыдала и обещала дожждаться.

Рене проводил карету до ворот и отправился к магу жизни.

Глупо?

Да!

Смертельно опасно?

Да!

Он не мог поступить по-другому.

Просто не мог.

Благородство? Идиотизм? Наивность?

Сложно подобрать определение для ведущих его чувств.

Он знал, что некромантия объявлена вне закона. Знал, что выздоровевшие люди потом побегут к холопу Светлого, исповедуясь и каясь, чтобы их «не запачкала темная скверна». Знал, что его может просто разодрать на клочки озверевшая толпа.

Он все знал.

Но это был его дом. Его город. Его люди, с которыми он разговаривал на улицах и выпивал в трактире. Вместе молился и вместе нарушал закон. Смеялся и танцевал на праздниках. Через два дома от него жила Фаншетта Мерло – симпатичная когда-то девчушка, в которую он был тайно влюблен в юности, а теперь счастливая толстушка, мать шестерых детей. Она каждый раз улыбалась Рене, а ее муж, знаменитый на весь город сапожник, частенько приглашал его в гости. Дети лезли к Рене на колени и просили рассказать сказку «пло лыцалей...».

Если он уедет, они все наверняка умрут. Ведь у них нет денег на лечение. Да и некроманты не страдают любовью к людям и желанием помогать закону.

Рене же...

Он никогда не был отверженным. А когда у него появилась Касси – стал еще и на редкость счастливым некромантом. И стал задумываться о людях.

Трактирщик дядюшка Дженн. И его три хорошенькие дочки, разносящие тяжелые подносы и очаровательно краснеющие от каждого грубого слова. В таверну дядюшки Дженна ходили даже благородные господа, потому что там никто не смел даже повысить голос. Не то что грязно выругаться, а просто заорать на соседа.

Тень Ришель. Ночной король, с которым Рене работал уже почти двадцать лет. Еще тогда, когда Тень был просто удачливым мелким воришкой, а Рене только-только пробовал свою магию. И его сынишка. Дитя беглой монахини, умершей при родах. Единственный и нежно любимый своим отцом.

И множество других людей, которых Рене почти не знал. Но и бросить не мог.

Маг жизни встретил Рене профессионально приветливо, и Рене не стал терять времени. Он снял маскировку с ауры, быстро объяснил, что к чему, и попросил мага пойти с ним к Герману Лайкворту.

Германа удалось вылечить до появления язв. Нельзя сказать, что он радостно принял жизнь из рук некроманта, но Рене злобно рывкнул, что если дядюшка его жены желает помереть, пусть убивается сам! Ему Касси ни в жизнь не простит смерти единственного близкого человека. И вообще, если дражайший родственник желает помереть – нельзя ли отложить это на после эпидемии?! Сейчас каждый здоровый человек будет на счету!

К градоправителю отправились все вместе.

Градоправитель приказал закрыть ворота. И вывесил черные флаги с красными кругами. Эпидемия.

Через два дня на дороге встали королевские отряды.

Его величество Рудольф Четвертый не прислал ни лекарей, ни магов. Он просто объявил, что каждый, кто попытается выйти из города, будет расстрелян. С большого расстояния. Из арбалетов.

Ночью вокруг города жгли кольцо костров.

А Рене работал.

К нему толпой шли люди. Те, кто был здоров, приводили больных. Стража ходила по улицам. В мародеров стреляли без предупреждения.

Десять тысяч человек. Или чуть больше. Много это или мало?

Вроде бы небольшой городок. Но когда надо лечить как бы не по сотне человек в день...

Маги жизни могли чуть замедлить болезнь, могли вылечить, но только после того, как некромант снимет проклятие. До этого болячка не поддавалась никакой магии жизни.

Сколько проклятий в день может снять некромант?

Рене обнаружил свой предел очень быстро. Проклятие, как и болезнь, разрасталось с каждым днем. И если проклятия первого-третьего дня болезни он мог снять без особого труда, то проклятия пятого дня давались ему намного труднее. А на седьмой день... Вылечить такого больного он мог. Но не больше одного-двух в день.

Некромант мог спасти в день не больше тридцати человек с легким проклятием. Или десять – с тяжелым. Это – если пользоваться своей природной силой. Если пользоваться амулетами – он мог помочь всем пришедшим. Но амулеты были не бесконечны. Некромант буквально падал с ног. Целители постоянно пичкали его укрепляющими, поддерживающими – и еще кучей разных травяных отваров и снадобий. Это привело к тому, что Рене резко похудел и осунулся. Снадобья хоть и помогали, но гораздо хуже, чем обычным людям. Конфликт магии жизни и смерти, знаете ли. А если приходится пить их не ложками, а чашками, чтобы хоть как-то помогало, жди побочных эффектов.

И все равно он не справлялся. Он спал по три часа в сутки – только бы хоть на каплю восстановить силы, кашлял кровью, белки у него стали красными, как у вампира, уже на третий день эпидемии...

Но всем, в том числе и ему, было ясно, что луну он так не протянет. Сожжет себя.

И тогда градоправитель решился на крайние меры. Тюрьмы были... ну, пусть не полны, но там ждали суда и следствия и грабители, и убийцы. Вот и пускай послужат людям. Если принести подлеца в жертву, можно получить силу?

Можно.

Тогда – работай, некромант! В подвале у градоправителя... Ах, лучше у тебя дома? Там и пентаграмма, и оборудование? Хорошо. Если ты так хочешь – пожалуйста. Сколько подонков в сутки тебе надо? Два? Три? Десять?

Рене запросил три штуки. Хватило бы и двоих, но лучше иметь запас.

С жертвоприношениями дело пошло легче. Да, это грязная работа. Да, для того, чтобы получить из человека нужную некроманту силу, его приходилось долго, хотя бы пару часов, пытать. Пытать всех сразу Рене не мог и поэтому взял в помощники городского палача, который вместе с семьей – жена и два сына – заболел чуть ли не в первый день. Рене успел снять с них проклятие до основного потока больных, и палач готов был целовать ему руки и ноги. Что-что, а такая мелочь, как вера в Светлого Святого и вопли о злых и жестоких некромантах, его не останавливали. Для палача все было просто. Рене вылечил его семью. Быстро. Бесплатно. Мог бы уехать, как только узнал об эпидемии. Но остался. Раскрыл всем свою тайну и помогает людям. Так что же – он плохой только потому, что некромант?

Ну тогда и кузнец, кующий мечи, – тоже плохой. Он же оружие делает, которым убивают. И палач тогда тоже – плохой. Просто потому что палач.

Одним словом, когда градоправитель предложил палачу поработать по специальности, только не публично на площади, а в подвале у некроманта, чтобы тот мог зарядить амулеты и дальше лечить людей, – палач даже и не подумал отказываться.

Наоборот – с радостью согласился.

И снял большую часть забот с плеч Рене. Теперь некромант мог выгадать еще три-четыре часа на помощь людям. Добавим, что снятие проклятия занимало от десяти минут до получаса у самых безнадежных – и эти три-четыре часа становились спасением еще для нескольких больных.

Эпидемия пошла на спад спустя двадцать пять дней. Кто-то умер. Кто-то выжил. Но новых заболевших не появлялось. Рене не считал, скольких он спас.

Некромант работал еще почти пять дней после окончания эпидемии. Новых больных не появлялось – и город вздохнул с облегчением. А некромант начал собираться в дорогу.

То есть собрался он уже давно. Дом был продан градоправителю за хорошую цену. И сверху еще добавлена внушительная премия из казны. Самые ценные артефакты – надежно спрятаны, а оставшиеся он отдал друзьям из воровской гильдии с просьбой отвезти их в Лимдор.

Собранные сумки стояли у изголовья некроманта. Лошадь? Ее можно будет найти за городской стеной. Пусть не самую лучшую, но хоть какую-то. Он отлично умел ездить верхом.

Даже на неоседланной лошади. Когда от этого умения может зависеть твоя жизнь – стараешься освоить все как можно лучше.

Ночью пятого дня Рене грубо разбудили встряхиванием за плечо. Первой мыслью невыспавшегося некроманта было: *«Пришибу, подниму и опять пришибу. Мучительно»*.

Второй: *«Кажется, я опоздал ударить»*.

Третьей: *«Не понял?..»*

У кровати некроманта стоял благочестивый Герман Лайкворт и держал в руках тяжелый теплый плащ. Увидев, что Рене открыл глаза, он тряхнул некроманта еще сильнее.

– Поднимайся. У нас почти нет времени.

– Что случилось? – спросил Рене, вылезая из кровати. – Кто-то заболел...

– Нет, – буркнул благочестивый. – Все здоровы. А за тобой придут через два часа.

Рене быстро начал одеваться.

– Кто придет?

– Светлые слуги. Отряд Карающих.

– Как это мило с их стороны, – прошипел Рене, застегивая штаны. – Целый отряд Карающих на одного-единственного усталого некроманта? А почему так мало?

Иронии Герман не понял. И пихнул Рене в руки плащ.

– Возьми. Пригодится. Больше пока не пришло. Слуга Светлого Святого, к которому я хожу на исповедь, сегодня посвятил меня в их планы. Ему известно, что эпидемия закончилась. Новых больных нет. Со всех старых ты проклятие снял. Через несколько часов в город войдут войска.

– Ворота заколочены и завалены изнутри.

– Зато есть потайной ход в церкви. – В комнату вошел градоправитель. – А еще два потайных хода, которые не указаны на картах, знаю я. Коня дать не могу, там он не пройдет. Но искать тебя буду долго и упорно, по всему городу. И погоню задержу, насколько смогу.

Рене молча кивнул и закинул сумки на плечо. Немного поколебался.

– Почему вы мне помогаете? Я же некромант.

В следующий миг некромант получил подзатыльник от градоправителя.

– Тебе что – думать не о чем? Дурак ты, а не некромант. И я дурак. Надо было тебя на день раньше отправить.

– Догнали бы, – вздохнул Герман. – Там еще и пятеро ищеек. Сейчас они войдут в город, поэтому ты и сможешь выйти. И даже уйти. И вообще... Ну разве ты – зло? Тебе полгорода жизнью обязано.

– Вряд ли. Я меньше спас... – попытался пошутить Рене, но его опять не поняли. Что поделать. Благочестивый Герман Лайкворт в принципе не подозревал о существовании чувства юмора.

– Ты – некромант. Но и у тебя есть шанс спасти свою душу.

– Этим Касси занимается, – вздохнул Рене. – Если бы не она, я бы тут не остался.

– Привет передашь племяннице. И... это... пишите, что ли, хоть иногда?

– Обещаю.

За разговорами трое людей вышли из дома, который уже не принадлежал некроманту, и направились вниз по улице. Градоправитель давал Рене последние указания:

– Ходу уже лет пятьсот. Ведет он под холм, а на поверхность выходит примерно в трех километрах отсюда. Это еще в пределах кольца, но там уж тебе придется самому. Все Слуги и ищейки войдут в город, а ты спокойно преодолеешь окружение. Ты ведь это можешь, некромант?

– Ночь – наше время, – пожал плечами Рене.

– Вот и замечательно. Все деньги находятся в купеческой компании «Астинор и сыновья». Кроме тебя, их никому не выдадут. И только после предъявления перстня. Вот возьми.

В руки Рене переключало тяжелое теплое кольцо. Некромант примерил его на большой палец. М-да. Даже туда – великоват. Соскользнет. Пришлось закрепить сверху еще одним кольцом.

– Благодарю вас.

Остаток пути они проделали молча. Градоправитель подошел к опоре моста через реку, что-то подвигал, вытащил несколько камней, нажал...

Рене крепко пожал своим провожатым руки и пошел вниз по старой винтовой лестнице.

Столбы паутины, буквально стоящие от потолка до пола, и горы пыли более чем убедили его в секретности хода. Чувствовалось, что тут лет сто никто не ходил. А то и больше.

Но ход стоял. Рене мысленно поблагодарил неведомых строителей. И еще раз, когда запорный механизм второй двери сработал, выпустив его – в церкви, в деревушке рядом с городом. Рене даже и не подумал отряхиваться или приводить себя в порядок. Пыль скроет его лицо лучше любой маски.

Как оказалось, рядом с этой деревушкой остановился один из отрядов королевских солдат. Рене чуть подумал, а потом просто призвал Ночь. И темнота укрыла его своим плащом, делая некрманта незаметным для глаз людей.

Под покровом темноты ему удалось выйти за пределы цепи костров. А в ближайшей деревне – привести себя в порядок и украсть коня. Хотя украсть – громко сказано. Рене честно оставил в конюшне золотую монету, еще прежнего государя, на которую можно было купить двух таких кляч. На это ушел весь остаток ночи, но дело того стоило. И утром по дороге ехал всадник вполне пристойного вида.

На него не обращали внимания. Едет – и пускай себе. Может, это наемник. Или приказчик. Или просто решил переселиться отсюда подальше.

День прошел спокойно. А на следующее утро он ощутил направленное на себя светлое заклинание. Поисковое.

Искали по следу его магии. И Рене принял решение – оторваться от погони. А если не удастся, то уничтожить ее.

И направил коня в сторону Торрина.

Скалы ему вполне подходили. Но... Рене мог оценить опасность.

По пятам за ним шли не меньше десяти слуг и холопов Светлого. Не меньше двух магов, остальные наверняка воины. Сможет ли он справиться с ними?

Только при очень большой удаче.

Погоня постепенно приближалась, а он вот уже третий день не мог найти подходящего места для боя.

* * *

Я, как обычно, отправился в горы. Пошляться – на пару дней. Анри и Рик уехали в соседнее графство на ярмарку, а мне было откровенно тоскливо в замке. И я нагло удрал. Подумаешь, поругают, когда вернусь. Зато пару дней побуду в горах, наедине с собой – и с ветром. Почему у меня нет крыльев?

Я забрел достаточно далеко от дома. И вдруг решил – а зачем мне возвращаться? Погуляю вдоль дороги, подожду Анри с Риком – и встречу их. Организую, так сказать, сюрприз. Главное, не попадаться воспитателям в руки первые минут двадцать. Потом остынут.

И я вот уже день слонялся у дороги в полном одиночестве. Оно и понятно. Просто так к нам в Торрин даже больной на всю голову не поедет. Зачем? Тут ведь даже не захолустье, а самая что ни на есть глухоманистая глухомань. Никуда отсюда не уедешь и не уплывешь, ничем, кроме рыбы, не разживешься. А про серебро и мы, и местные – все молчат как рыбы, хорошо представляя, чем это может кончиться. Наедет куча всякой мрази, обложат всех дикими нало-

гами, потом заявят, что рудник королевский – и все будут пахать на нем бесплатно. Но в три раза больше.

Нет уж, промолчать – оно завсегда выгоднее.

Когда раздался стук копыт, я чуть удивился. А вот когда издалека пахнуло *моей* силой, такой знакомой и привычной...

Прохладным и сумрачным ветром некромантии. Повеяло, чуть отпустило, и словно холодная темная змейка проскользнула рядом.

Некромант.

Достаточно сильный.

Едет сюда.

Конечно, мне стало интересно. А вам бы н..? Первый некромант из-за границы Торрина! И конечно, я не мог его пропустить или отпустить просто так. Любопытство кусалось не хуже отряда блох, так что я огляделся вокруг. Ага!

Место было выбрано удачно. Как раз такое, чтобы можно было спрятаться и выскочить неожиданно. А потом подняться повыше по скалам, чтобы Анри не успел надрать мне уши... от радости.

Недолго думая, я спрятался за большим камнем и принялся наблюдать.

Вскоре из-за поворота показался конь. Зомби – это-то я определил сразу. Некромант поднял его и заставил служить себе после смерти.

Сам некромант оказался мужчиной лет сорока или чуть постарше... хотя сейчас он выглядел на все шестьдесят. Усталый, осунувшийся, грязный, затравленный и потрепанный. Да, погоня никого не красит.

Я легонько свистнул и приотпустил свою силу на волю.

Некромант охнул и свалился с коня на землю.

Я выскользнул из своего укрытия и встал перед ним.

– Привет?

Мужчина ушел в глубокий обморок.

* * *

Представляю, что он испытал. Едешь ты, бежишь, думаешь, как оторваться, и тут здрасьте-нате. Из-за скалы выходит полудемон. Полудемоненок. Симпатичный, конечно, но откуда он вообще взялся в горах? Пришлось приводить гостя в чувство. Чем? Воды было мало, обошлись оплеухами. Их у меня всегда было достаточно.

Очнувшись, мужчина последовательно попытался заорать, бросить в меня заклинанием и удрать. Конечно, ничего этого я ему не позволил. Угостил еще парочкой оплеух и поинтересовался:

– Ты что делаешь на моей земле?

Надо отдать Рене должное, в разум он пришел быстро. Да и внешность моя была для некроманта не в новинку.

– Ты тут живешь?

– Да. А ты некромант?

– Да.

– Это за тобой? – Я кивнул в ту сторону, откуда через пару часов должна была показаться погоня. Я уже чувал их магию.

Липкое, светлое, хищное...

Кто сказал, что тьма – зло, а свет – обязательно добр?

Болваны!

Выйдите на солнце и по стойте под ним подольше – то-то добра получите! Все хорошо в меру, и концентрированный Свет убивает не хуже Первородной Тьмы. С умом надо подходить, с умом, а не уши подставлять под развешивание чепухи! Тьфу!

– Д-да...

– Дратся сможешь?

Рене неуверенно кивнул. Я усмехнулся.

– Тогда поможешь чем сможешь. Их надо будет убить и спрятать так, чтобы век не нашли. Ты откуда?

За эти три часа я успел выпросить всю историю жизни Рене и довольно кивнул. Некромант мне был нужен. Марта, конечно, умница, но сильных некромантов мало не бывает.

О себе я тоже кое-что рассказал. Что зовут меня Алекс, что я тут живу, что мне «светлячки» ни к чему... Остальное пусть Рик рассказывает, он старше и умнее. Вот.

Рене смотрел недоверчиво, но моя внешность была моим главным доводом. Да и одежда, и оружие...

– Что ты предлагаешь? – наконец родил он.

– Убить твоих преследователей.

– Так просто?

– Нет, просто это не будет, – ухмыльнулся я. – Скажи, если сейчас их убрать, по следу твоей магии еще смогут прийти?

– Нет. Не думаю.

– Не думаешь – или нет?

– Не должны. Следов я старался не оставлять.

Оставалось рисковать. Уничтожить погоню, спрятать некроманта и делать большие круглые глаза в ответ на все вопросы. Какой некромант?

На землях наследного принца?

Да вы бредите, господа. Нет здесь таких и не бывало никогда, извольте сами убедиться. Или проще – убиться. Две буквы, а какая разница?

Я посмотрел на Рене.

– Оставь здесь лошадь. И мне твой плащ нужен.

– И?

– А ты посидишь там, поодаль, пока я тут не закончу, – усмехнулся я.

– А ты понимаешь, что их надо убить просто мечом? Без магии?

– Почему? – заинтересовался я.

– Потому что это светлая магия. Отпечаток смерти остается – и их собратья могут его прочесть.

– Не по трупам?

Трупов я не оставляю.

– Нет. Они могут призвать душу...

– Побеседовать?

– Нет. Это же некромантия, ею пользоваться никак нельзя. Просто узнать – от чего наступила смерть.

Я кивнул. Та же некромантия, но купехвостая. Оно и понятно – светлой магией с мертвым не поговоришь. Разве что оживить, так это сил надо – по всему королевству столько холопов не набрать, чтоб намолили.

Не люблю я святош.

– Ты просто не пробовал их приготовить правильно.

Я посмотрел на некроманта. Я это вслух сказал? Судя по наглой улыбке на тонких губах – да. Я дернул за завязку черного плаща:

– Снимай и проваливай, чтоб тебя сразу не увидели.

* * *

Они появились через два часа.

Двенадцать всадников. Все в некогда светлых, а теперь насквозь пропыленных плащах, трое *Карающих* с бритыми головами, у всех на мордах одна и та же печать одержимости, в ауре вспышки света. А это нехорошо.

Тьма растворяет, а свет выжигает. Обычный человек в равновесии, а вот эти...

Хотя мне ли говорить?

Демоны – кусочки тьмы, а меня она рано или поздно получит, если не смогу остаться человеком.

Появились – и останавливаются при виде картины, которую я лично подготовил. Дохлый конь – и человек в черном плаще, лежащий навзничь.

Конечно, ничего, кроме камней, под плащом не было, но кому это проверять?

Кто первый?

Эх, нет у меня арбалета. А жаль.

Ничего, и так управлюсь. Тем более что они остановились именно там, где мне и хотелось.

Я осторожно примерился в последний раз. Ну, понеслась карусель!

Лихой прыжок со скалы посылает меня в центр отряда, и я приземляюсь прямо за спиной одного из гончаков. Бритоголовых тварей, которым не место на моей земле. В жилах поет боевую песнь кровь демона.

Это – карусель смерти.

Кони приходят в неистовство от моей боевой формы. А я – бюю.

Один умирает сразу, когда я сваливаюсь ему на голову, второго я достаю хвостом, третьего – метательным ножом. Лошади взвиваются на дыбы, я соскакиваю в сторону – и издаю дикий волчий вой. Анри научил. Еще бы волчьего сала, но чего нет, того нет.

Люди летят на землю, не в силах справиться с взбесившимися лошадьми. А там их уже поджидаю я. Еще двоих я достаю – одного клинком, а второго хвостом и рвусь к оставшимся двум гончакам. Их надо положить в первую очередь. Твари...

Храмы специально натаскивают вот таких гнид для охоты на магов... только вот маги хоть что-то для людей делают, как спасаемый мной некромант. А эти...

Деньги дерут да о грехах вопят.

Хотя сейчас они не вопят, а пытаются собраться... ну-ну, Светлый в помощь! Я бросаюсь вперед и таки достаю одного из карающих вторым кинжалом. Больше у меня просто нет – остаются меч и хвост. Естественное оружие.

Мужчины тоже собираются и пытаются убить меня. Сбежать никто и не думает – отлично! Мне того и нужно!

Если б кто сбежал – пришлось бы потом ловить, искать, идти по следу. Но нет!

Богомерзкая нечисть!!!

И вперед, в атаку!

Не доходит до болванов, что если кто-то их атакует – это необязательно от глупости. И мало ли как я выгляжу! Пусть я маленький, зато у меня реакция, скорость и сила, как у большого! Вот так!

Десяток я положил, прежде чем до них дошло, и оставшиеся перегруппировались. Выпустили вперед бритоголового. Тот посмотрел на меня и выставил перед собой руку с символом Светлого. Крест в круге. Я оскалился и прыгнул к нему.

Демон!

Показалось, что я двигаюсь необычно медленно, словно в густом желе...

Двое оставшихся воинов приготовились меня встретить. Сверкнули мечи...

Они меня не достали.

Прилетевшая от Рене стрела надежно пробила бритую черепушку. Чары тут же схлынули – и на оставшихся воинов мне хватило пары движений.

Некромант вылез из-за камней.

– Ну, парень, ты даешь!

– Отнимаю. Жизни, – вежливо поправил я. – С трофеями разобраться поможешь?

– Помогу. И, наверное, надо к ночлегу приготовиться?

– Не надо. – Я вздохнул. – На лошадях мы к замку быстрее доберемся.

Эх, и попадет же мне!

Действительно попало. Да так... я уж подумал, что у меня дар провидца открылся. Рик было плевать, полудемон я или нет. Уши он мне надрал от души.

А вы бы что сделали на его месте?

Сначала подопечный пропадает на сутки, а потом появляется с охапкой добра, несколькими лошадьми и некромантом с милой улыбкой.

Вот Рик и не выдержал. Хотя когда на меня накинута Марта, я подумал, что Рик еще добрый. Думал, меня в объятиях придушат. Няня переволновалась.

Рене допросили по всем правилам некромантского искусства, подумали – и предложили место моего учителя. А чего таланты терять?

Гирр, которому так и так идти было некуда, согласился не раздумывая. Отписал Касси, чтобы приезжала, и принялся обживать башню. Одну из. А что его ждало в Лимдоре? Или в Риолоне? Да ничего. А здесь – покой, уют, уважение, да и ребенка можно будет растить спокойно, если он окажется некромантом. Одного Торрин уже выдержал, авось и второго стерпит?

Марта к нему не ревновала. Она отлично понимала, что способности у нее есть, а вот образование... мне нужно было знать намного больше, чем могла дать она.

Высшая самоотверженность – отказываться от того, что тебе дорого, во имя любимого существа. Хотя не сильно-то она и отказывалась. Занятия она так и так посещала каждый раз, просто вел их Рене. А Марта тоже училась.

Приехавшая Касси порадовалась за мужа, вписалась в нашу компанию и принялась рожать детей и помогать тетушке с хозяйством.

Время шло.

За границами Торрина вспыхивали и угасали бунты, скакал курс раденорской монеты, откусывали кусочки от нашей земли соседи, а мы просто жили. Пока мне не исполнилось пятнадцать.

В шестнадцать меня надо было везти ко двору – и выпускать меня неподготовленным в большой мир никто не собирался.

* * *

Подарок я на пятинадцатилетие получил, да такой, что и сам не чаял!

Трансформировался. Хотя сначала сам чуть в обморок не упал.

Вот представьте себе, просыпаешься, идешь зубы чистить, а в зеркале вместо привычной чешуи и красных глаз – обнаруживается этакий симпатяшка-аристократик. Я аж взвыл от неожиданности, шарахнулся, своротил бадью для купания, на грохот прибежали слуги, закричали, прибежали Рик с Анри – и прежде, чем успели разобраться, я полюбовался на то, как бледнеет от гнева один мой воспитатель и краснеет другой.

Они ж меня не видели в этом облике, потому и решили, что меня украли, а вот этого парня подсунули взамен. Или еще чего...

Рик побелел и принялся звать Марту и Рене. Анри достал меч и двинулся на меня. Пришлось отскочить и выставить вперед руки.

– Анри, это я!

– Я – кто?

Но меча Анри не убрал, так, чуть приостановился. Когти из пальцев полезли сами.

– Алекс!

– А выглядишь иначе?

Марта примчалась первой, Рене вторым – и я тут же ощутил направленную на меня волну некромантии. Едва закрыться успел, а то стоял бы камнем...

– Вы что?! Я жить хочу!

– Некромант, – тут же опознал Рене.

– Алекс? – удивленно выдохнула Марта.

Я закивал. Алекс, Алекс... да узнайте ж меня, наконец!

– Алекс?

Рик постепенно возвращал нормальный цвет лица.

– Нас предупреждали, что он годам к шестнадцати так сможет делать...

– А нас?! – вознегодовал Анри.

Марта опустила глаза. М-да, разговор с Аргадоном мы не пересказывали. Очень уж это было для меня личное, вот я няню и упробил. А Марта меня слишком любит...

Анри шагнул вперед и достаточно сильно дернул меня за ухо.

– Балбес!

– Полегче! Оторвешь!

– И стоило бы!

Но второму уху уже не досталось. Оно и правильно, а то я ведь мстительный – могу и шляпу дегтем изнутри намазать. Или сапоги...

Новый вид мне тоже понравился. Очень симпатичный я.

Голубые большие глаза, белые волосы, той же длины, что были и у меня-полудемона, белая нежная кожа, маленькие руки и ноги, как у истинного аристократа, очень узкая тонкая кость.

Почти копия Мишель. Только черты лица чуть несхожи. У нее лицо было аккуратным, почти кукольным. А у меня высокие скулы, тяжелый подбородок, слишком высокий лоб и к тому же – черные брови и ресницы. Брови – почти две прямые, проведенные к вискам. Что придает мне достаточно хищный вид. Но несомненно – человеческий.

Этакий невысокий, хрупкий паренек. Такого и в девчонку переодеть можно, если б не лицо.

Когда мои родные – ну да, родными я своих воспитателей и воспринимал, а кого еще-то, дядюшку, что ли? – во всем разобрались, то довольно потеряли руки. Вот теперь меня можно было вывозить потихоньку в большой мир.

Никогда не забуду свою первую поездку по стране. Никогда...

* * *

На семейный совет пригласили меня, Рика, Анри и Марту. Остальных это просто не касалось. Нет, они жили здесь, они были членами семьи, но именно эти трое были рядом с моей мамой. Именно они...

Принцесса Мишель. Мама. Мамочка.

Мне безумно жаль, что она умерла. Но – увы. Родив полудемона, женщина умирает. Это непреложный закон. Мы забираем себе слишком много сил. На жизнь их просто не остается. Вот с четвертьдемоном так уже не получится, мать останется жива. А полудемоны все сироты. Есть, конечно, исключения. Там, инкубы, вампиры, прочая шушера, но они и не демоны. Не

настоящие. Шваль низшего ранга. Мишель никогда бы такого мне в родители не выбрала, самого сильного взяла. Как ни уговаривали друзья поберечь себя – все вложила.

Они знали, чего хотела Мишель, они вложили всю душу в ее план. Разговор начал Рик:

– Алекс, через год тебе ехать ко двору.

Я кивнул. За что я люблю Рика – он никогда вокруг да около не ходил, говорил все прямо в лицо. Так устал от окольных путей, пока при своем герцоге был, что сейчас всю правду-матку в глаза резал.

– Ты должен решить, чего ты хочешь.

Чего я хотел? Стать некромантом круче, чем Рене. А еще? Да ничего, мне и тут уютно было. О чем я и сказал.

Мужчины переглянулись. Слово взяла Марта:

– Мишель мечтала, что ты наденешь корону Раденора.

Я посмотрел на Анри. На Марту. На Рика.

– Дядя... да зачем мне та корона? Разве нам здесь плохо живется?

Мужчины переглянулись. И слово взял Рик:

– Алекс, я тебе хоть раз врал?

Я покачал головой. Кстати, не из чистоты душевной, просто я вранье почувствую раньше, чем оно с губ слетит.

– Вот. Я мог бы тебе сказать многое – и ты мневеришь.

Ну-ну...

– А вот иронии не надо. Ты еще молод, а я умею играть словами. Есть способы сказать правду так, что она станет страшнее любой лжи.

Наверное... Этому меня Рик тоже учил. Еще и жаловался, что навык потерял – тренироваться-то не на ком.

– Потому у меня есть предложение.

Я молчал и ждал. И дождался.

– Нам сделали заказ на большую партию серебра. Я хочу, чтобы ты ее сопровождал вместе с Анри. Посмотрел мир, поучился, поглядел на Раденор. Вот если тебе покажется, что в стране все благополучно – слова не скажу. Уедем в Миеллен или еще куда, пусть Рудольф с Абигейль правят спокойно. Согласен?

Я кивнул. А чего не согласиться? Погляд – не обряд¹.

Тогда я не знал, на что соглашаюсь.

Прав был Рик. После увиденного в Раденоре оставлять дядюшку править несчастной страной мне не захотелось. Я только одному удивлялся после той поездки – как люди такое терпят? Что с ними сделать-то надо, чтобы они все терпели и не взбунтовались? Но об этом чуть позднее...

* * *

Хотелось ли мне корону?

Ага, три раза. И корону, и корову, и крокодила. Я его на картинке в книжке видел. А чего мелочиться? Все хочу, все давай!

Смешно.

Родители меня так воспитывали, что я понимал: корона – это ответственность. И ни демона она не дает, она только налагает. А Рудольф с Абигейль...

Да не король и королева это были, ни разу. Просто детки до игрушек дорвались – и пихали сладости за обе щеки, пока зад не лопнет!

¹ Поглядеть – не значит жениться. Местная поговорка. (Прим. авт.)

Именно дети, и именно в лавке игрушек. Глупые, жестокие, безмозглые.

Но это ж не повод их свергать?

И похуже были.

И вообще – вы как себе это представляете? Явился, это, полудемон, встал в своем истинном обличье перед дворцом, хвостом в затылке почесал и орет: «Эй, король, выползай на нечестный бой! Лучше – с семейством!»

Тут Рудольф подхватывает под мышки своих домочадцев и несется мне навстречу, тараня меня головой Абигейли. За ним мчатся Андрэ с Руфиной в той же позе. Я насылаю на них на всех порчу, чтобы два раза не ходить, – и усаживаюсь на освободившийся трон, так?

Народ громко хлопает в ладоши и кричит: «Ура демонам!» Полудемонам, простите.

А холопы и служители Святого утирают умиленную слезу. А вдруг я исправлюсь и буду мудрым и добрым правителем? А что, я могу!

Не верится?

Мне верилось еще меньше, уж простите.

Скорее всего, меня просто числом запинаят и одолеют. А нашла я там чего на Рудольфа с семейством, не нашла... да кого это волновать будет?

Силы у меня конечны, а толпа – бесконечна. Полудемонов боятся и ненавидят, и я – не исключение. А королевская там во мне кровь или нет – никто и внимания не обратит. Сначала прикончат.

А кто на трон сядет?

Меня это уже волновать не будет никак. Найдутся охотники, еще как найдутся. Трон как нужник, равнодушным никого не оставит.

Эх, не хотелось мне во все это ввязываться. Я бы и не стал. Только вот...

Этот Рик, сволочь такая, отправил меня караван с рудой сопровождать. Чего я за эти дни насмотрелся?

До сих пор как вспомню – тошнота накатывает. Нет, потом-то в моей жизни много всего было, но первый раз – он как лишение девственности. Надолго запоминается.

Дороги – яма на яме. Хижины как решето. Люди в таком тряпье, что в Торрине его на пугало б не повесили – постыдились. Разве что полы помыть – и то дыр там было больше, чем ткани.

И самое страшное.

Дети.

С запавшими щеками, ручками-веточками, тощие, рахитичные... и с совершенно старческими глазами, в которых читалась безнадежность. Они ничего хорошего от этой жизни не ждали. И их родители тоже.

И вдоль дорог я видел умирающих, видел повешенных за страшные – кража нескольких грошей или куска хлеба – преступления, видел калек, и мне становилось страшно. Я сравнивал холопов, толстых, сытых, холеных и их шатающуюся от голода паству и не понимал – солнцем им, что ли, голову напекло?

Да как же можно – так?!

Что доводит людей до этого скотского состояния?

Да если б мой ребенок с голоду помирал по милости короля, я бы его...

Никогда не забуду женщину, которую не смог спасти.

Мы проезжали через городок Раитор и слышали крики. Спутники хотели меня остановить, но я направил туда коня.

Кричала женщина, которую на виду у всей толпы, на помосте полосовали кнутом. Медленно так, с отяжечкой...

А народ...

Нет, народа там не было.

Была толпа. Такие же тощие и голодные мрази. И они наблюдали, ржали и плевались, обсуждали, как быстро палач забьет несчастную, скоро ли она потеряет сознание...

Убил бы!

Минута – и моя сила выплеснется, поднимая всех мертвецов в окрестностях. И это будут не чистенькие контролируемые зомби, нет!

Это будут голодные и жадные до крови упыри, вроде тех, что здесь...

Я бы сделал это, адом клянусь, сделал. Но мое плечо сильно, до крови, стиснула рука Анри.

– Смотри, Алекс, – ударил в ухо горячий злой шепот. – Смотри!

– Мрази! – зашипел я. – Твари...

– Нет. Они – люди, но Рудольф сделал из них зверей...

– Ага, а до того они добренькими были...

По моим щекам текло что-то горячее и мокрое. Брызги крови летели в толпу. Я дернулся, но Анри не отпущал.

– Люди становятся зверями, если их опускают до этого уровня. У них нет другой цели. Сделать детенышей, накормить их, поразвлечься... пусть так, пусть жестоко, но им не дают иного! Казни недорого, а кровь пьянит...

– Пусти!

– Смотри, Алекс. Это сделал твой дядя.

– А до него...

– Твой дед никогда не допустил бы такого. При нем на площадях помостов не стояло.

Я стиснул зубы:

– Анри, а мы не можем...

– Нас просто разорвут. Я бы и рад, но...

Я понимал. Толпа не позволит отобрать у нее жертву. Да и спасти мы ее не сможем, я видел это вполне отчетливо. Мы приехали уже в середине казни, вот если бы до начала... а сейчас – пусть лучше сразу умрет, чем гнить заживо.

Тут поможет только сильный маг-целитель, а таких у нас не было.

Я не могу помочь.

Не могу заступиться.

Могу только смотреть на мучения несчастной.

– Что она?..

Анри крикнул в толпу.

– Ведьму казнят, ваша милость, – откликается кто-то.

Ведьму?

Маму? Марту? С ними бы то же самое?..

И ярость во мне взрывается жгучим потоком силы. Он выхлестывает наружу и дотягивается до души женщины на помосте. Я одним рывком обрываю ниточку, связывающую ее с этой жизнью, – и душа взлетает в небеса, посылая мне на прощание легкую благодарную улыбку.

Кровь во мне словно кипит и плавится. Каждый нерв горит и полыхает, внутри сворачивается жгучая черная ненависть. Мне больно, тошно, страшно... Я тяжело оседаю на круп лошади.

Ненавижу!!!

Я еще не знаю, кого. Но ненависть уже живет в моей душе.

Нельзя делать с людьми *такое*. Нельзя.

А с теми, кто делает...

На привале Анри меня долго отпаивал вином с травами, успокаивал, утешал, объяснял, что мы ничего не могли сделать для несчастной... помогало плохо.

Я впервые убил того, кто ничем мне не угрожал и ни в чем не был виноват.

До сих пор вспоминаю с омерзением. Первая отнятая мной жизнь – вписана на счет дядюшки. Не своей же волей я убил несчастную девчонку? Сдалась она мне...

Вернулся я в таком состоянии, что Марта меня неделю травами поила. Водила гулять на кладбище, разговаривала, пела колыбельные, как маленькому.

А мне было страшно.

Раденор... Да, мне не хотелось править в этой стране, но и оставлять – ТАК?

Нельзя.

Наверное, это проснулась кровь Мишель. Принцессы, которая любила свою страну больше своей жизни. Моей безумной матери...

Я тоже безумен?

Не знаю. Не хочу знать...

Тогда я был как огнем опаленный. Больно, неужели вы не понимаете?

Больно видеть, думать, осознавать... люди же! Да, я не человек, но и смотреть, как гибнут невинные, не мог. Больно и страшно...

* * *

Через неделю, дав мне все обдумать, собрался семейный совет.

Рик, Анри, Марта и я. Больше никого не пригласили. Да женщины и сами не рвались. Чем они тут могли помочь?

Пожалеть меня? Увольте. Марта хоть и женщина, но некромант. Это важнее...

Ни Рик, ни Анри мне никогда не ввали. Недоговаривали, было. Пока я не выросстал достаточно для очередной порции горькой правды. Но прямой лжи я от них никогда не слышал.

И мы сейчас собрались, чтобы решить – а что дальше-то?

Оставлять королевство в руках Рудольфа я возможным не считал. Король, тоже мне!

Олень на троне и в короне, и с золотой чашей в руках!

Чем он думал, о чем думал – Светлый его знает! Мне и знать не хотелось. Первым слово взял Рик:

– Убедился?

Я закивал. Убедился?

Вдосыть нажрался! Убить мало за такую разруху и разор! Д-дядюш-ш-ш-ш-ка!

– Что делать собираешься?

А вот тут у меня зиял прогал. Вообще, я мог хоть завтра отправиться в столицу, прибить своим даром и дядюшку, и тетюшку, и всех окружающих – и править. Мог? Или?..

Анри только фыркнул в ответ на мои рассуждения.

– Алекс, а ты в курсе, КАК любят некромантов?

– И даже ЧЕМ их любят и в какое место, – огрызаюсь я.

– Тогда ты не будешь делать глупостей.

Я киваю еще раз.

Ну да.

Полудемон, некромант... Даже первого слова хватило бы для очищающего костра. Я ведь отлично понимал, что мне хотят сказать мои родители. Да-да, родители. И плевать, что по крови мы не родные!

Королевство ослаблено Рудольфом. Армия в раздразе и расхлесте. Казна разворована почти подчистую. Крестьяне в таком состоянии, что им уже наплевать на всех королей. А вот соседи сильны и хищны. И если я сейчас поступлю, как подсказывает природа полудемона – убью всех и сам сяду на трон, то очень быстро стану мертвым полудемоном.

Тут и храм включится, и соседи объединятся – и двинут на нас армии. Каким бы сильным я ни был, не из Тьмы же мне армию призывать?

Мне живая земля нужна, а не Тьмой выморенная...

К тому же...

Демоном мне становиться не хочется. Прожить человеком не удастся, но хоть умереть человеком. Страшно? Ан нет, некроманты знают, что их ждет за чертой. Бояться там нечего. А вот пережить всех, кого любишь, кого ценишь, своих детей, любимую женщину, если таковая будет, видеть ужас в людских глазах... нет, такого я для себя не желаю. А если я убью родную кровь... слова Аргадона я помнил. Убив дядюшку, я получу удовольствие. Определенно.

И это будет первым шагом на пути к демону. А там, где сделан первый шаг, второй делается еще легче. Андрэ. И третий... Абигейль. Руфина.

Пусть они те еще твари, пусть они сдохнут медленно и мучительно, но я руки их кровью мараить не буду. Без меня найдутся желающие.

Мне предстоит нечто другое...

Что? Сам пока не знаю. Бунт, война... хотя нет, Раденор мне потом из войны тащить. Нет у нас ни сил, ни средств для войны, нету! Вообще никаких! На графство хватает, на королевство – уже нет. Поэтому я внимательно смотрю на родителей.

– А что вы предлагаете?

У Анри и Рика было что предложить.

Медленное, поступательное движение вперед, к трону. По шагу, по два...

Я должен был явиться в столицу и представиться ко двору.

Потом отбиться от убийц. Отправиться в армию – как принцу мне дадут полк, а уж что с ним делать... а вот то!

Не зажимать деньги, не давать воровать, выигрывать все стычки и сражения, которые наверняка будут, потом постепенно приучить к себе армию – и устроить переворот.

Даже не самому, нет. Все сделают за меня и для меня, а я просто приму корону. Не говоря уж о том, что Рудольф не вечен, его сынок достаточно глуп, чтобы свернуть себе шею с моей помощью, дочка замужем, а жена...

А монастырь по ней плачет! Горько и громко!

Королева – одно платье?! Одно и оставим. Рясу монашескую!

Я подумал – и согласился. А почему нет?

Да, я получу свою корону не завтра и не послезавтра, но и...

Убивать родную кровь – хуже греха не бывает. Я полудемон, мне он не так тяжело ляжет, но лучше обойтись без него. Мне надо сделать так, чтобы Рудольф и Андрэ сами привели себя к гибели. Смогу?

Смешной вопрос. Я же полудемон...

На том и порешили. Мне надо было ехать ко двору. А там... А там обзаводиться сторонниками. Как?

Всеми путями. Я смогу, я знаю. Мы, полудемоны, обаятельные и убедительные. Кого хочешь убедим... Сомневаетесь?

Могу доказать наглядно.

Ах, не надо?... Ладно. Пока – живите.

* * *

Так что на очередное письмо от дядюшки Рик ответил утвердительно. Мол, мальчик стал себя чувствовать чуть лучше и рвется ко двору, дабы выказать свое почтение... Может, вы ему запретите, а то слабость здоровья, хрупкость костей.... Вдруг да не доедет?

Доказательство дядюшкиной любви пришло через месяц.

Пусть мальчик приезжает, обеспечим медика.

Доехать-то он должен? А если и нет...

Мы его горько оплачем. Даже два раза, по слезе с каждого глаза. Свиту прислать? Сами обеспечьте! И карету! И вообще...

Откуда что взять в захолустном Торрине – дядя не задумывался. А зачем? Так еще думать привыкнет, потом не отучится. Тьфу.

Марта обливала меня слезами и клялась, что если с моей головы хоть волос упадет – Рудольфа уже ничего не спасет. Я верил и нянюшке клятвенно обещал не стричься. Мало ли что...

Анри еще раз проверял владение оружием, Рене гонял по всей некромантии и контролю, Рик по политической ситуации...

Я был готов предстать ко двору.

А двор?

У них было шестнадцать лет на подготовку. Кто не успел – того я съел. В переносном смысле слова, что я – дурак, всякую гадость глотать? Отравишься же! Дядя такой гадюшник при дворе развел – змея там отравилась бы через минуту.

Я был полудемоном и собирался продержаться дольше.

* * *

Раденор был просто пропитан чернотой. Нищета, голод, ненависть...

Они смрадной дымкой висели в воздухе, раздражая и нервируя. Я первый раз выехал куда-то надолго и теперь чувствовал себя неуверенно. Да, Анри поехал со мной, но ненадолго, и обещал вернуться обратно как сможет. Я сам настоял.

Анри у нас ведал всеми делами за пределами Торрина, да и Рик не сможет долго без него обходиться. А я... Я – смогу.

Был и еще один аргумент в мою пользу. Меня сложно убить. На меня не действует большая часть ядов, я могу пользоваться магией, а вот Анри – человек. И что бы он там ни говорил – расслабившийся за время жизни в Торрине. Уже не тот лихой молодец, что семнадцать лет назад.

Он настаивал, я спорил – в итоге мы пришли к соглашению.

Так как принцу неместно появляться при дворе без слуг – беспомощные безрукие существа эти принцы, – то со мной едет Том, как слуга, ну и телохранитель. Если понадобится.

Спину он точно прикроет в случае необходимости.

Я не возражал. Тренировались мы вместе, учились тоже, ладили неплохо... Чего еще надо?

К тому же Том обещал присмотреть при дворе пару-тройку парней для сестер. Мари и Миранда уже вошли в возраст, но не приводить же в гнездо некромантов абы кого со стороны?

У нас даже холопа нет. Ни одного на весь Торрин!

Если кому что нужно, в соседнее баронство ездят. Там барончик как раз верующий. Думать-то не дано, вот он и верит всему, что скажут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.